

31617

THE UNIVERSITY OF
MICHIGAN
ANN ARBOR

617
В 55

А. А. ВИШНЕВСКИЙ

Ар 90

ДНЕВНИК ХИРУРГА

*Великая Отечественная война
1941—1945 гг.*

Второе издание

31617

71018

прог *кр 6/22*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕДИЦИНА» МОСКВА — 1970

Республика Татари
Библиотечно-информационный центр
Министерства Здравоохранения
Республики Татария

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы в нашей стране опубликовано много воспоминаний о Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Со своими мемуарами выступали военачальники различных рангов, представители многих родов войск и видов Вооруженных Сил, и вместе с тем мы очень редко встречаем личные записи и воспоминания о войне, написанные военными врачами. Между тем в условиях большой войны достижения победы над врагом зависят в немалой степени и от успешной работы военно-медицинской службы, особенно военно-полевых хирургов.

Автора этой книги — выдающегося хирурга Александра Александровича Вишневого — я знаю лично еще с Халхин-Гола — с 1939 г., где он получил свое первое боевое крещение. С тех пор он участвовал во всех войнах, которые пришлось вести нашей Родине. Им лично была прооперирована не одна тысяча раненых воинов, из которых многие обязаны ему жизнью.

В «Дневнике хирурга» А. А. Вишневский всесторонне, не скрывая недостатков, отразил деятельность медицинской службы действующей армии во время Великой Отечественной войны и показал одновременно героический труд и достижения советских военных врачей, медицинских сестер и санитаров.

Как известно, подавляющее большинство военных мемуаров написано их авторами по памяти и официальным документам спустя различное время после окончания войны. Работа А. А. Вишневого выгодно отличается тем, что представляет собой литературную обработку его личного дневника, который он регулярно вел на протяжении 1941—1945 гг. Полагаю, что эта живо и интересно написанная книга привлечет внимание не только врачей, но и самого широкого круга читателей.

Маршал Советского Союза Г. ЖУКОВ

ОТ АВТОРА

Свыше двух десятилетий прошло с того дня, как окончилась Великая Отечественная война. О ней написано много различных книг, в том числе и по военной медицине. Достаточно назвать выдающийся коллективный труд «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Но не следует думать, что одного изучения научных трудов достаточно, чтобы сделаться настоящим военным врачом. Обратимся к истории. В деле формирования русской военной медицины большую роль сыграли не только «Военно-полевая хирургия» Н. И. Пирогова, но и его «Севастопольские письма». Такого рода произведения, безусловно, необходимы для воспитания наших молодых медицинских кадров и особенно врачей, окончивших гражданские медицинские институты. А они-то во время войны и являются основной рабочей силой. Помочь им в случае надобности как можно быстрее найти свое место в сложной «военной машине» — это, пожалуй, одна из основных причин, которая побуждает меня напечатать эту книгу.

В ней мне хотелось также рассказать о некоторых результатах применения наших методов лечения, которые во время Великой Отечественной войны получили широкое распространение. Я имею в виду местное обезболивание по А. В. Вишневскому, новокаиновую блокаду нервов и масляно-бальзамическую повязку. Немного найдется раненых, которые на том или ином этапе своего лечения не пользовались бы масляно-бальзамической повязкой (мазью Вишневского). По моим личным наблюдениям, наши методы обезболивания и лечения ран оказались высокоэффективными, особенно при лечении проникающих повреждений грудной и брюшной полостей, а также для борьбы с шоком и анаэробной инфекцией.

Эта книга представляет собой дневник, который я вел с первого до последнего дня Великой Отечественной войны. Чтобы ни случилось со мной в течение дня, как бы этот день ни прошел, вечерами я неизменно записывал в свою тетрадку все, что сохранилось у меня в памяти. Несколько пропусков в нынешнем тексте дневника вызваны тем, что странички с записями были потеряны. Но таких пропущенных дней в дневнике немного. Еще тогда, оставаясь наедине со своими мыслями, я думал, что по прошествии ряда лет, когда наступит время для объективной оценки событий, мой дневник может быть опубликован. В настоящее время он печатается в извлечениях, из моих военных тетрадей выбрано то, что, как мне кажется, может быть интересно читателю.

Работая теперь над дневником, я совершенно сознательно сохранил в нем все те мысли и чувства, которые владели мной (и, вероятно, не мной одним) в разное время на фронте четверть века назад. Теперь некоторые из них могут показаться наивными, так же как и стиль моих записей, который в основном остался неизменным. Я сохранил все это для того, чтобы дать читателю представление о том, как постепенно

в трудных условиях маневренной войны совершенствовалась работа нашей военно-медицинской службы и улучшалось лечение раненых.

В дневнике очень мало отражена военно-стратегическая обстановка того времени; это произошло потому, что, во-первых, я о ней в начале войны почти ничего не знал, а, во-вторых, делать такого рода записи и возить их с собой было запрещено. Вносить же теперь так сказать ретроспективно эти военно-стратегические данные, уже неоднократно опубликованные, просто не имеет смысла, да и не отвечает основным целям моей книги. Однако для удобства читателя я привожу ряд карт с нанесенной на них дислокацией фронтов и армий в соответствии с временем описываемых мною событий. Карты эти составлены позднее, в 1966 г., но, несмотря на это, они совершенно правильно, даже более правильно, чем я пишу в дневнике, отражают ход событий на тех участках советско-германского фронта, где я в то время находился.

Читателя также не должно удивлять то обстоятельство, что некоторые военные события, о которых упоминается в моих записках, такие, например, как освобождение нашими войсками городов, ранее оккупированных немцами, иногда датированы мной более поздними числами, чем те, в какие эти события происходили. Объясняется это тем, что я узнавал о них с некоторым опозданием. Подлинность этих записей мне не хотелось нарушать, и я оставил все так, как было.

Главное внимание в своем дневнике я уделяю хирургии. Дело в том, что структура санитарных потерь в минувшую войну отличалась большим своеобразием. Благодаря хорошей противоэпидемической работе мы не имели эпидемий — постоянных спутников всех больших войн прошлого. Поэтому в действующей армии было мало инфекционных больных. Низок был удельный вес и так называемых «соматических» больных. Бесчисленные полковые медицинские пункты, медсанбаты и госпитали были заполнены преимущественно ранеными. Именно этим определяется особое значение военно-полевой хирургии в Великую Отечественную войну. Между тем оказание хирургической помощи на фронте было делом очень трудным и прежде всего потому, что здесь приходилось сочетать лечение с эвакуацией раненых в тыл. В этих условиях каждый раненый лечился поочередно многими врачами. Опасные последствия такой «обезлички» можно было предупредить лишь разработкой единых, совершенно обязательных для всех врачей основных правил лечения раненых. Такие научно обоснованные правила были у нас разработаны в довоенные годы, не трудно, однако, понять, что между созданием этих правил и их практической реализацией в ходе войны лежала целая пропасть, порожденная отсутствием опыта, неумением, плохой распорядительностью и пр. Для того чтобы обеспечить постоянное руководство всей огромной хирургической деятельностью медицинской службы, понадобилось создать Институт главных хирургов армий и фронтов. Автору этих строк пришлось в течение всей войны занимать должность как армейского, так и фронтового хирурга.

У некоторых читателей может сложиться преувеличенное представление о недостатках при обслуживании и лечении раненых во время Великой Отечественной войны. Дело в том, что, работая, как я сказал, армейским хирургом, а затем и главным хирургом фронта, я по характеру своей деятельности больше всего обращал внимание на недостатки в работе, чем на ее положительные стороны. Это и нашло отражение в содержании моего дневника. Однако последнее обстоятельство никоим образом не должно бросать тень на поистине героическую работу наших медиков в Великую Отечественную войну. Я глубоко убежден в том, что если тот или иной врач не справлялся со своими задачами, то в этом обычно были повинны прежде всего мы, руководители санитарной службы. Недостатки объяснялись в конечном счете тем, что мы плохо учили врачей, не создавали им подходящей обстановки, не снабжали всем необходимым, наконец, часто ставили перед ними непосильные задачи. И все же наша медицинская служба в целом работала хорошо. Мне кажется, что читатель убедится в этом, прочтя мою книгу.

В заключение мне хочется поблагодарить всех, кто помог мне подготовить для печати эту книгу и особенно Г. Н. Мунблита, А. С. Никишина, М. И. Шрайбера и С. Н. Миняйло.

1941

22 июня

Этот день застал меня на теплоходе «Армения», шедшем из Батума в Одессу.

Мы подходили к Сухуму. Над нами раскинулось синее в легких облачках небо. Спокойная морская гладь искрилась и отливала розоватым светом в лучах восходящего июньского солнца. Пассажиры, столпившись у борта, не сводили глаз с зеленых кавказских предгорий, местами спускавшихся к самой воде. Ничто не предвещало грозы в тот час, когда мы сходили на берег.

На пристани меня ждал директор сухумского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины доктор Агапов. Побеседовав с ним на веранде его дома, мы решили пройтись по городу.

Здесь мы встретили наркома здравоохранения Абхазии Г. П. Папаскуа, у которого, воспользовавшись случаем, я попросил путевку в Синоп.

Лицо Папаскуа выразило такое удивление, словно я позволил себе какую-то бестактность. Ничего не ответив мне и наскоро с нами простившись, он исчез за поворотом улицы. Мы с Агаповым недоуменно переглянулись, но несколькими минутами позже, выйдя на площадь, мы увидели большую толпу. Люди стояли у столба, на котором был укреплен репродуктор, и достаточно было взглянуть на их запрокинутые вверх сосредоточенно молчаливые лица, чтобы понять, что произошло нечто исключительно важное. Они слушали запись сообщения Молотова о нападении Германии на Советский Союз. Взволнованные до крайности, мы бросились обратно в ВИЭМ. В голове у меня была одна мысль — скорее, как можно скорее ехать в Москву. И уже через два часа на грузовой машине я мчался в сторону Сочи. Ехали мы всю ночь и к утру были на месте.

23 июня

На Сочинском вокзале — страшная суета. Толпы людей, военных и штатских, сгрудились у касс и дверей военного коменданта, требуя немедленной отправки в Москву. Непривычно видеть озабоченные, хмурые лица на этом нарядном курортном вокзале. Все выглядит словно в дурном сне. С помощью знакомого сочинского хирурга Лобжанидзе после многочасовых мытарств и волнений, раздобыв, наконец, билет, я втиснулся в битком набитый вагон, и в восемь часов вечера мы тронулись в путь. Стоя у окна, я думал о тех испытаниях, которые нам предстоят.

Было очевидно, что наступают громадные по своему историческому значению события, быть может, страшные для всех нас.

С этого времени я решил вести дневник, описывая в нем, хотя бы кратко, что произошло со мной в течение дня.

24 июня

Кончился первый день пути. Тяжко. В купе, кроме меня, едут два генерала, отдохавшие в Сочи, два работника НКВД и женщина с ребен-

ком. Душно, тесно. Южные степи пынут жаром. Выскакиваем на каждой остановке, надеясь узнать новости или раздобыть газету. Но узнать ничего не удается, хотя все вокруг говорят о войне.

25 июня

Еще одну ночь проспал сидя. Вернее не спал, а ерзал, пытаюсь уснуть, зажатый между генералом и новым пассажиром, втиснувшимся под вечер в наше купе. На душе тревожно. Перед рассветом долго стоим на каком-то полустанке. Утром приходит сообщение: наши самолеты бомбили Плоешти и Варшаву. Часом позднее приносят газеты. Всем нам ясно — борьба идет на нашей территории, превосходство сил пока на стороне немцев. Что впереди?

26 июня

Третий день в поезде. С каждым часом приближаемся к столице. Вот уже Тула, за ней Серпухов. Навстречу движутся десятки эшелонов. Станции сразу обрели воинскую суровость. На юг движутся платформы, на них — танки, автомашины, броневики, зенитки с настороженными, устремленными вверх стволами.

Бесконечные вереницы теплушек, переполненных бойцами. При подъезде к Москве встретили эшелон кавалеристов. Наш поезд замедлил ход, и из теплушек донеслись знакомые слова: «Весь советский народ, как один человек, за любимую родину встанет...» Еще несколько минут и на горизонте — близкие сердцу очертания Москвы.

Наконец-то! Дома все благополучно, все здоровы, а главное — все налицо.

Отец сообщил, что клинику закрывают и на ее месте организуется госпиталь.

27 июня

Утром отправился в Санитарное Управление Красной Армии. Здесь удивляются моему приезду. «Ведь Вы назначены главным хирургом Закавказского фронта!». Ссылаясь на то, что там все тихо, я прошу направить меня на запад. Начальник Санитарного Управления Е. И. Смирнов¹ согласился с моими доводами и меня назначили армейским хирургом на Юго-Западный фронт. Ехать надо в Киев. Несколько часов ушло на оформление документов и сборы. Вечером впервые увидел затемненную Москву. Вид у нее довольно мрачный.

28 июня

С Киевского вокзала выезжаю на фронт. Поезд отправляется с опозданием на пять часов. Весь он составлен из теплушек и только два ваго-

¹ Е. И. Смирнов — ныне генерал-полковник медицинской службы, академик АМН СССР, с 1947 по 1952 г. был министром здравоохранения СССР.

на — жесткие, пассажирские. Пришлось употребить целый ряд полупочтенных приемов, чтобы добыть себе место. Наконец, усилия мои увенчались успехом, и после столь трудного нервного дня я смог немного вздремнуть, взгромоздившись на третью полку. Останавливаемся на каждом полустанке. В вагоне пыльно, душно, грязно, кругом военные. В воздухе много наших самолетов. По-видимому, охраняют подступы к столице.

Размышляю о том, как организовать широкое применение наших методов лечения раненых новокаиновыми блокадами и масляно-бальзамическими повязками. На Халхин-Голе в небольших масштабах, а в Финляндии — в несколько больших мне удалось кое-чего добиться. Необходимо в интересах дела, чтобы наш опыт получил теперь широкое распространение на фронте и в тылу.

29 июня

Ночь прошла спокойно. Поезд идет вне графика, и никто не знает, когда мы прибудем в Киев. Какие-то эшелоны, по-видимому, воинские, идут почему-то в обе стороны. Несмотря на то что нет ни газет, ни радио, новостей полно. Это напоминает мне финский фронт, когда наш медсанбат шестнадцать дней был в окружении, отрезанный от всего мира, а новостей каждое утро было столько, что скучать не приходилось.

Думаю о работе. Не попробовать ли сыпать стрептоцид во время операций, производимых по поводу проникающих ранений живота, прямо в брюшную полость? Быть может этот прием окажется действенным для предупреждения перитонита? Во всяком случае повредить он не может и поэтому его стоит испытать.

В Нежине рядом с нами остановился санитарный поезд с первыми ранеными. Все смотрели на эту, необычную для большинства картину с боязливым смущением и даже я, повидавший в своей жизни достаточно раненых, поддался общему настроению.

30 июня

Под утро прибыли в Киев. Вокруг вокзала в небе покачиваются аэростаты воздушного заграждения. В бледных лучах утреннего солнца они кажутся вылитыми из серебра.

Выйдя на привокзальную площадь, я стал расспрашивать, где находится штаб, но никто не говорит, несмотря на то что всему Киеву должно быть хорошо известно новое, недавно выстроенное здание штаба. Все бояться шпионов и считают такую конспирацию необходимой. Наконец, мне удалось поймать какую-то «потерявшую бдительность» старушку, которая указала мне улицу и описала дом. В штабе пусто. Оставив вещи, отправился в город, чтобы побриться и позавтракать. Киев бомбили, но следов бомбежки не видно. Прекрасное солнечное утро, хорошо, легко дышится. Жизнь в городе начинается теперь на несколько часов раньше, чтобы успеть закончить все дела до вечернего затемнения. Парикмахерские и рестораны открыты с шести часов утра. Меня бреет старик еврей

и рассказывает о первом налете немецких самолетов. Судя по его рассказу, это было не очень страшно. Побрившись и позавтракав, я отправился в штаб. Здесь меня принял помощник начальника Санитарного Управления Юго-Западного фронта. Договорились, что поеду в Тернополь, где находится штаб фронта, и там уточнят мое назначение. Ехать советую санитарным поездом вместе с доктором Г. А. Знаменским, который получил назначение туда же в качестве армейского эпидемиолога.

Говорят, раненых пока немного. По-видимому, не успевают их выносить и вывозить. На фронте идут тяжелые бои.

Несмотря на то, что мы оказываем упорное сопротивление, противнику удалось добиться некоторого преимущества. Он бросил в направлении на Острог танки, овладел городом и продвинулся до Новоград-Вольнского. Задача войск Юго-Западного фронта, поставленная Верховным командованием, состоит в том, чтобы по возможности вымотать противника, отвести свои войска на рубеж старых укрепленных районов и, опираясь на них, организовать устойчивую оборону. (Примерное расположение войск изображено на схеме № 1.)

К вечеру получил приказание, адресованное начальнику поезда, доставить меня в Тернополь, и отправился на станцию.

Вспомнился 1939 г., когда во время событий на Халхин-Голе я добирался из Читы в Улан-Удэ так же, как и теперь, санитарным поездом. Начала обеих войн для меня по крайней мере похожи. Остается пожелать, чтобы похожими оказались и окончания их.

Начмед санитарного поезда слышал недавнее мое выступление в Киеве на совещании по военно-полевой хирургии и встретил меня очень приветливо — даже устроил в своем купе. Он уже проделал со своим поездом рейс во Львов и привез оттуда раненых.

Наша «санитарная летучка» состоит только из теплушек. На каждые две теплушки одна медсестра, которая во время хода поезда лишена возможности переходить из вагона в вагон. Сестры неопытны, не умеют делать инъекции, не умеют выпустить мочу. Команда мало дисциплинирована, поезд плохо оснащен: не хватает чайников, чашек, матрацев, носилок.

1 июля

Всю ночь простояли в Киеве. Никто не знает, когда тронемся. Чтобы не терять времени, отправились в баню. Возвращаясь обратно, увидели на путях несколько санпоездов, пришедших с фронта. В них преимущественно легкораненые. Они вылезают из теплушек, греются на солнышке, разбредаются по станции. Возле одного из поездов — большая толпа. Выносят убитых и тяжелораненых. Оказывается, что в двадцати пяти километрах от Киева три немецких самолета обстреляли поезд из пулеметов.

Вернулись к себе. Провели в ожидании еще несколько часов. Выглядит это так, как будто о нас все забыли. Стали звонить помощнику

начальника Санитарного Управления. Он действительно с трудом вспомнил, кто мы и что нам требуется, обещал завтра отправить нас самолетом, но уже не в Тернополь, а в Проскуров, так как штаб фронта успел передислоцироваться.

Мы согласились. Ночевать все же решили в санпоезде.

2 июля

В семь часов утра мы со Знаменским на аэродроме. Лететь предстоит на самолете У-2. Летчики рассказывают, что вчера Проскуров бомбили два раза. Вскоре командир отряда собрал летчиков на совещание, а мы со Знаменским прилегли на траву, чтобы отдохнуть от всего слышанного. В 14.30 наш самолет, наконец, поднимается в воздух. Летим на высоте ста — двухсот метров (выше опасно, может заметить противник). Все это опять напоминало мне Монголию, когда из Читы в Томсак-Булак мне довелось лететь на бреющем полете вблизи от линии фронта. Сейчас мы пролетаем над украинскими полями. Работающие на них женщины приветливо машут нам, радуются нашему самолету. Летим мы, используя все овраги и лощины для маскировки. На полях журавли. Оба мы со Знаменским нежно смотрим на своего пилота, у которого поистине в руках наша жизнь. Внезапно над нами показались два вражеских истребителя, но мы свернули в сторону, маскируясь в ложине, ушли от немцев и благополучно приземлились.

Оставив вещи, отправились искать штаб фронта. На улицах полно народа, — большинство в военной форме. Повозки, артиллерия, танки, гражданские машины — все перепуталось, беспрестанно образуя «пробки». Все ищут свои части, учреждения, расспрашивают друг друга, и никто толком ничего не знает. Жарко, душно, пыльно.

Внезапно меня окружает группа молодых людей. Оказывается, это врачи — выпускники военного факультета Харьковского медицинского института. Одни — в военном, другие — в штатском. «Мы Вас узнали по фотографии в журнале „Пионер“. Знаем труды Ваши и Вашего отца. Возьмите нас к себе работать». Я объясняю, что и сам пока безработный, но, если удастся, с удовольствием возьму их к себе. Вместе продолжаем поиски штаба и Санитарного Управления. Наконец, мы у цели. Санитарное Управление Юго-Западного фронта помещается в двух комнатах большого каменного здания. Человек десять врачей толпятся у входа. В садике на скамейке, грустно понутив голову, сидит главный хирург фронта профессор Ищенко. Мы говорим с ним о моей работе и вместе направляемся к начальнику Управления Маслову. Он советует мне поработать пока в одном из ШПГ и дожидаться прихода армии, в которой мне предстоит возглавить хирургическую деятельность. Обстановка в Санитарном Управлении мне не понравилась: у всех одна только мысль — не отстать при отступлении. По углам шепчутся о том, что через несколько дней штаб снимется и отойдет. Моего спутника — доктора Знаменского — ре-

шено вернуть в Киев. Он пошел выяснять возможности проезда туда, а я отправился за вещами. Жить мне предстоит в госпитале.

Проходя мимо вокзала, я увидел толпу женщин и детей. Это, как мне сказали, главным образом семьи командиров Красной Армии, служивших в Западных областях Украины.

Тяжело было глядеть на этих людей.

Начальник и врачи госпиталя встретили меня приветливо. В госпитале я узнал, что на днях наши войска сдали Львов. Многие врачи пришли оттуда пешком. Раненых как будто успели эвакуировать, но толком никто ничего не знает.

Неожиданно во дворе госпиталя столкнулся с военврачом 2-го ранга Десятником, знакомым мне еще по войне с Финляндией. Оба мы очень обрадовались встрече, принялись вспоминать нашу работу в Ухте и Кандадакше и толковать о том, как случилось, что немцы захватили нас врасплох.

Ужинали врачи все вместе, рассказывая при этом самые невероятные истории об отступлении.

Ночью привезли раненых, и в госпитале началась неразбериха. Врачи, сестры и санитары метались с места на место, не зная твердо своих обязанностей и мешая друг другу. Наконец, работа кое-как наладилась, но к этому моменту началась бомбежка. Стали стрелять и наши зенитки. Здание госпиталя дрожало, вместе с ним дрожал и персонал. Все бросили работу, погасили свет и прижались к стенам, благо в темноте было не так стыдно.

Общее настроение передалось и мне. Я почувствовал, что тоже начинаю нервничать. К счастью, через час самолеты улетели и мы вновь приступили к работе. Большинство наших пациентов было легко ранено и главным образом осколками авиабомб во время отступления.

Уже под утро, закончив работу, мы разбрелись, чтобы немного поспать.

3 июля

Утром поступила новая партия раненых и мы снова принялись делать перевязки, иммобилизацию переломов, вводить противостолбнячную сыворотку. Среди других двое тяжелораненых с раздробленными конечностями. Сделали две ампутации под местной анестезией. Некоторые хирурги госпиталя стали возражать, утверждая, что местная анестезия отнимает времени больше, чем сама операция. О том, что раненый при этом выживает, тогда как под общим наркозом он мог бы не перенести операции, они умалчивают. Другой их довод против местной анестезии — что не всегда в этих случаях получается полное обезболивание — не всегда «выходит», как они говорят. Между тем полнота обезболивания — вопрос умения и только.

Во дворе эвакуируют раненых. Размещают в грузовиках, которые должны их доставить на санитарную «летучку», а она уж довезет их до Киева. Среди раненых — один, которому я два часа назад сделал ампу-

тацию нижней трети бедра по поводу газовой гангрены. Во время операции он был в бессознательном состоянии. Сейчас пришел в себя, просит пить и даже разговаривает. По-моему, дело не только в том, что после ампутации прекратилось всасывание токсинов из пораженной конечности: сыграла роль и местная анестезия сама по себе как терапевтический прием.

Возмутительно медленно разгружаются машины с прибывающими ранеными.

Сейчас привезли танкиста с большим термическим ожогом; лечить его открытым способом в нашей обстановке совершенно невозможно — над всем довлеет необходимость быстрейшей эвакуации в тыл. Сделал ему паранефральную новокаиновую блокаду и наложил мазевую повязку. Раненые, как правило, прибывают на третий день после ранения и позднее. Раны гноятся, неприятно пахнут; мне кажется, что в этих случаях промывание ран перекисью водорода или спиртом с небольшим количеством йода и последующим наложением маевой повязки или рыхлой тампонадой марлей, смоченной нашей мазью, более чем показано.

Опыт Халхин-Гола и особенно работа на финском фронте убедили меня в том, что масляно-бальзамическая эмульсия действует на нагноившуюся огнестрельную рану в принципе совершенно так же, как и на любой другой очаг гнойного воспаления. Отлично защищая нервные рецепторы раны от внешних раздражителей, мазь обладает выраженным болеутоляющим действием. Бактерицидность мази и ее благоприятное влияние на трофику тканей стимулируют местные защитные механизмы. Воспалительный процесс локализуется, рана быстрее заживает. Повязка, смоченная эмульсией, не прилипает к ране и легко снимается, поэтому перевязки безболезненны. Наконец, мазь позволяет с пользой для раненых отказаться от частых перевязок, которые обычно так затруднительны в условиях войны. Сочетание же масляно-бальзамических повязок с новокаиновыми блокадами делает лечение еще более эффективным.

Любопытно отметить, что время от времени я встречаю скрытое, а иногда и явное противодействие со стороны некоторых врачей нашим методам лечения. Характерно также, что еще ни разу не слышал плохих отзывов от раненых. Напротив, они обычно сами просят во время перевязок снова наложить им повязки с мазью Вишневского. Такие просьбы меня очень радуют. Совершенно очевидно, что наши методы незаменимы в условиях войны, что, разумеется, отнюдь не исключает необходимости активных хирургических вмешательств по определенным показаниям.

Пока мы принимали и отгружали раненых, налетели немецкие бомбардировщики, сбросили бомбы и улетели почти беспрепятственно. Правда, несколько зениток постреляли им вслед, но это, разумеется, им не повредило. К вечеру каким-то до сих пор не понятным для меня способом, почти чудом мы отправили всех раненых, свернули госпиталь и сами погрузились в машины. Только успели тронуться, подъехал начальник Санитарного Управления Маслов с двумя машинами раненых. Их сопро-

вождал молодой врач, оказавшийся моим учеником из ЦИУ, весь в земле, грязный, напуганный. Их медсанбат попал под бомбежку, и он еле спасся...

Маслов просил меня остаться посмотреть раненых, помочь их обработать. Он говорит, что рядом имеется еще один госпиталь, куда их следует отправить и где можно будет заняться оказанием им хирургической помощи. Я взял свой чемодан и прыгнул с грузовика под сочувственные возгласы отъезжающих.

Повезли раненых в соседний госпиталь. Надо прямо сказать — встретили нас там без особого энтузиазма. Прооперировал под местной анестезией одного лейтенанта с проникающим пулевым ранением в живот. Думаю, что раненый умрет, несмотря на то что я очень старался. Операция шла при свечах.

4 июля

Этот госпиталь в хирургическом отношении, несомненно, лучше прежнего. Правда, сестры кончили только курсы РОКК и работают как следует еще не умеют, но врачи, насколько удалось выяснить, опытные.

При обходе раненых обратил внимание на одного молоденького красноармейца, раненного в живот. Он был доставлен через тридцать шесть часов после ранения в тяжелом состоянии, и хирурги признали его неоперабельным. Весьма огорчительно, что этот раненый, записанный в категорию «безнадежных», фактически не получал никакой помощи. Это непредвиденная реакция на многолетнюю пропаганду необходимости раннего оперативного лечения раненных в живот. Получается так: если больного невозможно оперировать по тяжести состояния, то не надо и лечить. Я посоветовал им посадить раненого повыше, назначил холод на живот, вливание солевого раствора и т. д. Теперь не до писания инструкций. Придется при посещении госпиталей и медсанбатов внушать врачам, что если раненных в живот по тяжести состояния нельзя оперировать, то их следует по крайней мере лечить консервативными методами. Вероятно, таким путем удастся спасти кое-кого из заведомо обреченных.

В госпиталь заходил писатель Твардовский, но я его, к сожалению, не видел. Жаль. Нравятся мне его стихи.

Фронт приближается. Наш госпиталь оказывается будет обслуживать войска прикрытия. Погода испортилась, немцы летают, прячась за тучами. Прибыл еще один госпиталь и встал по соседству с нами. У них разбиты две машины, но люди все целы. Просмотрел у них раненых — опять почти все пострадали от осколков авиабомб и главным образом на марше. Кроме раненых, здесь лежат и ждут своей очереди двое больных с острым животом: у одного — перфоративная язва желудка, у другого — аппендицит. Я велел их приготовить и оперировал обоих. Язва отлично ушлась и инвагинировалась. Червеобразный отросток удалил легко.

Еще одна новость — прошлой ночью уехало Сануправление фронта и никто не знает, куда!

В госпитале познакомился с врачом из Дербента, который с такой любовью говорил о хирургии, что я подумал: не больше ли он ее любит, чем я.

Вместе с начальником госпиталя поехали в Проскуров выяснить возможность вывоза раненых. Город опустел. Шумят уходящие на восток танки. Все время летают вражеские самолеты. Пока мы договаривались с комендантом железнодорожной станции, немецкий самолет совершенно беспрепятственно сбросил бомбы почти рядом. На станции начался пожар. Комендант обещал дать для раненых двадцать пять вагонов.

Из Киева самолетом получено различное медицинское имущество. Они там совсем обалдели — посылали бы уж прямо немцам в Тернополь. Мы связались с госпиталем и всех раненых свезли в здание сахарного завода, расположенное у вокзала. А обещанных вагонов для эвакуации все не дают.

Между тем начали поступать новые, еще не обработанные раненые. Пришлось тут же организовать нечто вроде перевязочного пункта. Материала для перевязок стало не хватать и за ним поехали в местную больницу, а затем в аптеку — ее частично растащили проходящие части, но кое-что и мы сумели получить.

На улицах какие-то военные задерживают остатки разбитых частей, формируют команды и возвращают их обратно на фронт.

31/6/17
Вечером, наконец, эвакуировали всех раненых. И сейчас же нам привезли новых. Затемнение — никто не знает, что где находится. Вновь прибывшие в тяжелом состоянии — у всех ранения трехдневной давности. Один — с переломом бедренной кости; иммобилизация за неимением шины произведена прибинтованием поврежденной конечности к здоровой. Три дня раненый следовал в таком состоянии, мочился и испражнялся под себя. Можно представить, что из этого получилось.

В госпитале слишком уж спешат с эвакуацией. Врачи торопятся обработать раненых, даже стрептоцида не дают, мотивируя это тем, что аптекарь уложил все ящики с медикаментами в машину. После соответствующего внушения стрептоцид нашелся и работа пошла лучше. Эта партия тоже преимущественно состоит из раненных осколками авиабомб. У одного слепое ранение бедра. Я рассек рану и удалил пулю. Она оказалась нашей. Во время работы нас несколько раз бомбили. Оперировал совершенно тупым скальпелем и пользовался отвратительными инъекционными иглами. Как часто у нас затрачивают огромные средства на оборудование, оснащение и содержание многочисленных госпиталей и медсанбатов и при этом забывают о таких вещах, как острый скальпель или игла для шприца. Неужели не ясно, что эти «мелочи» отражаются на раненых и сводят на нет все наши усилия, направленные на то, чтобы облегчить их страдания!

Смотрел, как работает врач из Дербента, мой «соперник» в любви к хирургии. Работает хорошо, но чуть грубоват в обращении с тканями.

Кто-то сообщил, что в городской больнице полно раненых. Едем с начальником госпиталя искать их, иначе они могут остаться.

На улицах почему-то стало болеелюдно. В городской больнице находим всего девять раненых, которые не в пример нашим все перевязаны и хорошо обслужены. Грузим их на попутную грузовую машину и отправляем на сахарный завод, откуда идет эвакуация по железной дороге.

Покончив с этим делом, я решил отправиться на поиски начсанарма 26-й армии, который, по слухам, находится сейчас в Проскурове и может помочь мне «легализовать» мое положение. После долгих блужданий нашел его. Место армейского хирурга оказалось свободным, и он сразу же предложил его мне. Мы условились, что я отправляюсь в один из госпиталей, а он заедет за мной туда завтра утром. Фамилия начсанарма Десяренко.

Не успел я приехать в госпиталь, как туда привезли раненого с совершенно разможенной голенью. Я сделал ему ампутацию под местной анестезией. Прошло прекрасно, он не заметил ни начала, ни конца операции. Когда я оперировал, началась бомбежка, но врачи, стоявшие вокруг операционного стола, даже не шелохнулись. Начинаем привыкать к войне.

После операции врачи собрались у карты и началось обсуждение хода военных событий. На нашем направлении противник жмет на Волочийск, севернее — на Шепетовку.

Потом разговор перешел на профессиональные темы. Все интересуются новокаиновой блокадой как средством против шока. Познакомил врачей с различными способами блокады — с шейно- и ваго-симпатической — при ранениях грудной клетки, с двусторонней поясничной — при ранениях брюшной полости, с футлярной — при ранениях конечностей. Пока мы беседовали, госпиталь получил приказ передислоцироваться. Начальник госпиталя — старый кадровый врач, энергичный, опытный человек, спокойно делает свое дело.

Я остался ждать начсанарма. Ночью один в огромном, всеми покинутом здании госпиталя на окраине Проскурова. Мысли, откровенно говоря, невеселые — вдруг немцы ворвутся в город, а начсанарм обо мне позабудет... В доме темно. Я вынул револьвер и положил его под подушку. И снова мрачные мысли — а что, если немцы сбросят десант. Потом подумал о том, что может начаться ночная бомбежка. Действительно, этого долго ждать не пришлось. Когда послышались первые разрывы, я пошел к выходу на улицу. В коридоре упал, наткнувшись на брошенные кем-то носилки. Над городом висело несколько осветительных ракет. Бомбы рвались одна за другой. Все вокруг грохотало, что-то горело, рушилось! Зенитки, которые прошлой ночью стреляли, теперь умолкли. Видимо, ушли вместе со штабом фронта. Наконец, немецкие бомбардировщики улетели. Стало тихо. Погромыхивали только уходящие на восток танки и орудия. Я побрел к себе, лег и заснул. Ночью проснулся от воя собаки, такою

тоскливого, что хотелось выйти и прогнать ее. Наконец, вой умолк. Вскоре, повизгивая, собака вползла в комнату, чуть поскулила и улеглась где-то неподалеку от меня. Стало приятно — все-таки рядом в этом пустом доме есть «живая душа».

6 июля

Утром меня разбудили несколько человек врачей, искавших свои части. Они удивляются, как я отважился в одиночестве провести здесь ночь. Я чувствую себя «героем», и моя бодрость передается им. Неожиданно для самого себя обещаю новым знакомым, что устрою их работать в 26-й армии, как только за мной приедет начсанарм.

Уселся закусить. Завтрак скудный: у одного из врачей есть немного черного хлеба, у другого несколько кусков сахара; запиваем все это сырой водой. Прибывшие врачи разбрелись по зданию и улеглись спать. На часах уже половина двенадцатого, и мне начинает казаться, что обо мне действительно забыли.

На улице светит солнце, тепло. Посидел на скамеечке перед входом, потом попытался войти в здание, но весь пол первого этажа оказался залитым водой. Кое-как вытащил свои вещи, разбудил спящих врачей, и мы вышли во двор. Посоветовавшись, решили отправиться в штаб.

Над городом летают немцы, обстреливая улицы из пулеметов. Добравшись до штаба, узнал, что Дегтяренко все еще здесь. Оказывается, он послал кого-то за мной, но посланный меня не нашел.

Вместе с Дегтяренко поехали туда, где он развернул нечто вроде перевязочно-питательного пункта. Этот пункт расположен недалеко от вокзала. Подъезжая, увидели на путях постоянный санитарный поезд. Выглядит он отлично — приятно смотреть. Сейчас прибыли два госпиталя на конной тяге. Один из них мы отправили обратно, другой решили развернуть здесь, так как количество раненых все увеличивалось. На наших глазах их грузили на санитарную «летучку», состоящую из открытых платформ. Начальнику госпиталя приказали обеспечивать прием и эвакуацию раненых. Зной нестерпимый. От платформы так и несет запахом гноя, крови.

В воздухе вновь появились вражеские бомбардировщики, но на этот раз им не повезло. Несколько выстрелов зениток — и два самолета рухнули на землю. Мы испытали острое чувство радости. Впервые я видел падающие немецкие самолеты. Это зрелище подняло наш дух и, возвращаясь в санотдел, мы с Дегтяренко почти совсем отвлеклись от только что виденной картины транспортировки раненых.

Итак, я — армейский хирург 26-й армии. Приехав в санотдел, начинаю знакомиться с наличием санитарных учреждений армии. Мне рассказывают, что у многих начальников госпиталей «киевские» настроения. Так называют здесь стремление некоторых врачей во что бы то ни стало вернуться в Киев.

Все больше убеждаюсь, что на войне люди делятся на очень нужных и совершенно не нужных. Начальник госпиталя с «киевским» настроем, по-видимому, не только не нужен, но и просто вреден. Думается мне, что сам я постепенно превращаюсь в нужного.

Наступает ночь, здание санотдела, где мы ночуем, погружено во мрак. В комнатах тихо. Все размещаются, кто как умеет. К тому времени, когда я решаю улечься, все углы уже заняты. Устраиваюсь на нескольких стульях и сразу же засыпаю.

7 июля

Утром проснулись от взрывов бомб. Пока выскочили на улицу, вражеские самолеты исчезли. Попытались умыться — оказалось, что взорван водопровод и воды нет. «Умылись» одеколоном, благо его оказалось много в брошенной аптеке.

В санотделе отбоя нет от «беспризорных» медицинских работников. Днем еще раз бомбежка. Решили отправиться на площадку сахарного завода, где приказали вчера развернуть госпиталь и откуда происходит погрузка раненых в эшелоны. Открытые платформы с ранеными стоят там же, где стояли вчера. Отовсюду стоны, все просят пить. Среди раненых лежат и мертвые. Несколько сестер и один молодой врач беспомощно мечутся по многочисленным платформам. Узнаю, что развернутый вчера Дегтяренко и мной госпиталь самовольно свернулся и приготовился улизнуть. Я буквально поймал его за хвост и приказал начальнику госпиталя вновь развернуться. Затем нашел коменданта станции, чтобы договориться с ним об отправке «летучки». Оказалось, к величайшему моему удивлению, это можно сделать немедленно. Между тем начальник госпиталя клянется, что отправку «летучки» задерживал именно комендант станции. Трудно установить, кто прав и кто виноват, да и разбираться некогда. Через двадцать минут платформы тронулись в путь. Жаль только, что люди, посланные за водой, опоздали и раненые уехали, не утолив мучившей их жажды.

На погрузочную площадку приехал Дегтяренко, и мы вместе отправились в городской аптечный склад. Здесь обнаружили новокаин, длинные иглы для анестезии, деготь, касторку, ксероформ, хинин, марлю, вату, много одеколона и т. д. Поставили у склада часового и поехали в санотдел. Теперь всех, кто обращался к нам за медикаментами, стали направлять на склад. В санотделе по-прежнему нет воды. Это всех нас очень мучает. Нечего пить, нечем умыться. Правда, на столе у Дегтяренко стоит громадная бутылка с одеколоном, но жажду ведь одеколоном не утолишь.

Дегтяренко с каждым днем нравится мне все больше — он энергичен, смел, принципиален, не боится ответственности.

Сегодня с санитарным поездом послал письма домой. Может быть, и дойдут. Сижу в санотделе и набрасываю эти строки. Темнеет. В открытое окно доносится гул немецких бомбардировщиков.

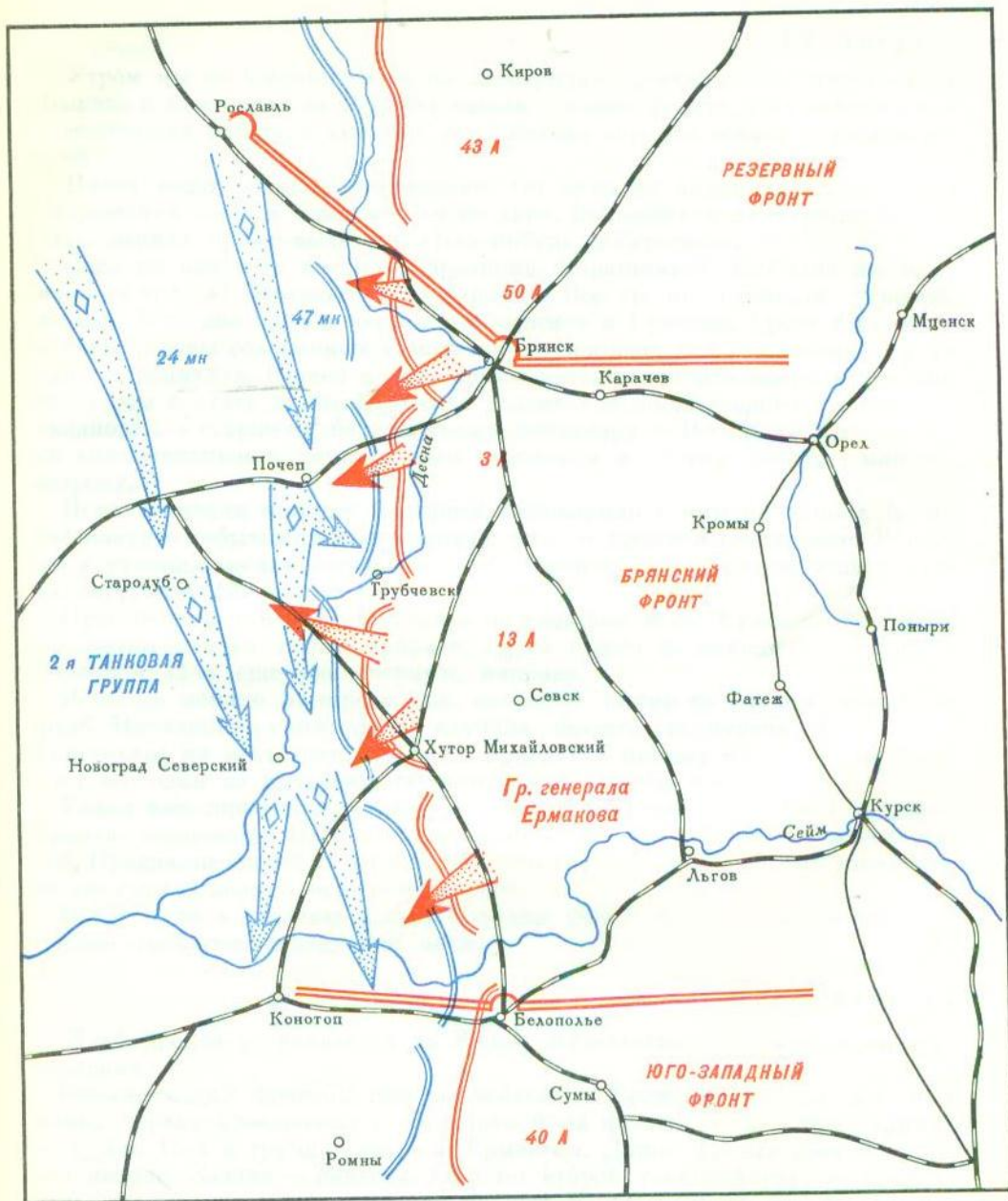

Схема № 2. Положение и контрудары войск Брянского фронта в конце августа 1941 г.

1942

1 января

Был в Главвоенсанупре, ждал Смирнова, но не дождался. Встретился с Ходорковым и Масловым, которые сообщили мне, что мой бывший начсанарм 26 Дегтяренко убит. Замечательный был человек, умный, доброжелательный. Очень его жаль.

2 января

В клинике отца все работают, не покладая рук. Смирнова все-таки поймал. Он говорит, что союзники присылают только то, что очень дорого и с ними приходится все время препираться.

Вечером был в редакции «Красной Звезды». Ужинал у Д. Ортенберга¹. Мы с ним вместе были на Халхин-Голе и на финском фронте.

3 января

Ночью в редакции смотрел фильм. Утром с П. Павленко² писали статью в «Красную Звезду» о военно-санитарной службе.

4 января

В Управлении узнал, что мне присвоено звание бригаврача, так что теперь буду носить ромб вместо трех шпал.

Вечером был у В. Ставского³. Встретил у него редактора «Правды», — Поспелова, поэта Суркова и жену моего однофамильца — писателя Всеволода Вишневского. Она беспокоится о муже — он в Ленинграде и хворает.

Спал в своей квартире, холодной и темной.

5 января

Недалеко от Кремля упала тысячекилограммовая бомба и не разорвалась. Место падения бомбы огородили и ее будут разряжать.

6 января

Ночью был сильный взрыв, он был слышен по всей Москве. Кто говорит, что бросили большую бомбу, кто — будто это диверсия на заводе.

Утром исправлял свою статью. Вечер провел с друзьями. Завтра лечу самолетом на фронт.

7 января

С трудом добрался до аэродрома. Со мной летит в Ленинград жена Всеволода Вишневского. В Хвойной выяснилось, что самолет в Ленинград не полетит. Все, кто направлялся туда, принялись хлопотать, но безуспешно. Пришлось им почевать в Хвойной.

Здесь создавалась очень трудная обстановка. В день прибывает до двух

¹ Д. И. Ортенберг — он же Вадимов — редактор газеты «Красная звезда».

² П. А. Павленко — известный советский писатель.

³ В. П. Ставский — известный общественный деятель, писатель.

тысяч раненых, многие из них не получили на фронте первичной хирургической помощи. Вечером прооперировал троих раненых, каждый раз с новыми ассистентами, объясняя им, как нужно обрабатывать рану.

8 января

Раненых все везут и везут. Не хватает санитарных поездов и санитарных летучек. Железнодорожники дают вагоны, но нет медперсонала. Сегодня прибыла «летучка», где на шестнадцать вагонов был один сопровождающий, да и тот ветеринарный фельдшер.

В госпитале мне показали раненого с неушитым открытым пневмотораксом. Очень большой дефект грудной стенки мне удалось закрыть с помощью пневмопексии.

Вишневецкой так и не удалось попасть в Ленинград, и сегодня она улетела обратно в Москву.

Сделал несколько операций. Переезжаем в Неболчи. Поеду поездом — моя машина сломалась.

9 января

Погрузились в поезд и тронулись. Проехали около часа и остановились. Здесь выяснилось одно, хотя и частное, но мало приятное обстоятельство. Наши вещи в поезд не погрузили, как это предполагалось, и они остались в Хвойной. Едем без вещей — ни полотенца, ни бритвы, ни еды.

Едем в теплушке, в центре ее стоит печка, пока топим — в вагоне нестерпимо жарко, как только перестаем топить — становится холодно. Тело все чешется от того, что спим, не раздеваясь.

Спутники мои распевают песни, хотя все голодны. Видел женщину-врача, которая была в плену у немцев. Она там работала — лечила наших пленных. Один раз в неделю немцы им давали операционный день. Сами немцы, по ее словам, оперируют без халатов, в резиновых фартуках с засученными рукавами рубашек. Руки моют быстро, опуская их в какую-то жидкость, инструменты не кипятят, а стерилизуют погружением в какой-то раствор. Это правильно. У меня тоже есть рецепт такой жидкости для холодной стерилизации инструментов. Надо будет его использовать.

Мы все еще стоим. Темно, свет только от печки. Петь бросили, все сидят скучные, прихлебывают кипяток без сахара. Не верится, что где-то в Советском Союзе существуют международные вагоны, поезда, идущие по расписанию, что где-то сейчас пригревает солнце...

10 января

Утром, когда все уже потеряли надежду, поезд тронулся, и за три часа мы приехали к месту назначения — к станции Неболчи.

Рядом на пути стоит разбомбленный, обгорелый поезд. Через разрушенную стенку вагона видно, как какой-то человек с рыжей бородой рубит туши убитых лошадей. Зрелище не очень приятное.

Оказывается, автобус с нашими вещами приехал вчера и ждет нас.

Все помещения в Неболчи заняты и нас разместили в четырех километрах от станции в деревушке. Побрился, умылся, вычистил зубы и чувствую себя прекрасно. Правда, обнаружил на куртке и рубашке несколько вшей, но вымазал все тело альбицтоловой пастой и с надежной взираю на будущее.

Штаб и столовая примерно в двух километрах. Ходить туда в мороз — удовольствие.

Фронтowym терапевтом к нам назначен бригаврач А. Ф. Александров. Жаль, что не Молчанов. К нему я уже как-то привык.

11 января

Все еще ничего не делаю. Сегодня установил, что ромб «помогает жить» — в столовой отдельные столики для генералов, бригадных комиссаров и бригаврачей. Я сел за один из них, но был тотчас же наказан. Оказывается, уважающие себя генералы питаются дома, а тех, кто по наивности поступает, как я, официантки просто не замечают.

Сегодня устроил себе праздник — сходил в баню «по-черному». Помылся с грехом пополам, переменял белье и посыпался «дустом». Хозяин избы, где я живу (его фамилия В. А. Жуков), — «полный георгиевский кавалер», воевал с немцами в прошлую войну, был пулеметчиком. Рассказывает, что когда получил на параде первый крест — расплакался. Он вынул альбом и показал мне свои фотографии. Среди прочих тут оказалась фотография красивого, молодого офицера. «Это наш командир — сын командира дивизии. Когда его убили, приехал отец, генерал, снял шапку и долго стоял, жевал усы. Потом позвал солдат и спрашивает: «Видел ли кто, как его убили?» «Видели, — говорят. Он шел впереди». Мне вспомнилось, как в германскую войну были убиты наши родственники — отец и сын. Отец был командиром полка, сын — вольноопределяющимся. Идя в атаку, отец видел, как снарядом убило сына. Оба имели георгиевские кресты. Мой дед тоже получил солдатский георгиевский крест за штурм крепости Гуниб и пленение Шамиля.

Поздно вечером меня вызвал начальник Санитарного Управления фронта Песис. Сели с ним составлять план обеспечения двенадцатидневной фронтальной наступательной операции. Высчитывали предполагаемое количество раненых по армиям, намечали этапы эвакуации. Подсчитывали необходимое количество санитарных автомашин и поездов для эвакуации раненых, а также крови и различного медицинского имущества для четырех армий, из которых состоит наш Волховский фронт. Войска уже в бою, а две армии не имеют ни одного полевого госпиталя, есть лишь медсанбаты, да и то не полностью укомплектованные. Раненых между тем поступает много. Крови для переливания, по самым скромным подсчетам, нам необходимо полторы тонны, а сейчас ее нет ни грамма.

К утру закончили свой план. Теперь надо его доложить командующему.

12 января

Наш хозяин ходил в Будогощь, отнятую у немцев. Рассказывает собравшимся у него односельчанам: «Видал твою дочь, живет хорошо, картошку и муку попрятала, для вас берегла». «Бог с ней, с картошкой, сама б уцелела». «Пиратка тоже там, а вот Шарика машиной задавило, ох и жаль же, до чего ласковый был, а сторожил-то как!» Я невольно подслушиваю чужие разговоры, так как нездоров и целый день сижу дома, а разделяет нас тонкая перегородка. Машина испорчена, никуда нельзя выехать. Очень тоскую по дому, детям, жене. Вообще после напряженной деятельности сейчас мне ужасно скучно.

13 января

Войска фронта перешли в наступление, наносят удар западнее железной и шоссейной дорог Ленинград — Москва, обходя сильно укрепленные позиции немцев у Чудово.

Живём сводками. Пока потерь у нас, к счастью, немного, раненых поступает около трехсот человек в день. Из тыла прибывают к нам госпитали.

Разговорился с хозяином. Он, оказывается, во время войны 14-го года вел два дневника, один для офицеров, другой — для себя. Хитер.

Неожиданно меня вызвал Песис и предложил любимыми средствами добираться до Будогощи, помочь там организовать хирургическую работу.

Пошел на станцию. Стоит много составов. Спрашиваю у машиниста на первом пути: «Куда идете?» — «В Будогощь». В это время поезд трогается, я на ходу вскакиваю в теплушку, карабкаюсь, меня не пускают, ругают, наконец, влез. Народу немного, топится печка, темно. Пробрался в угол, сижу. Люди говорят о еде, о дороге. Оказывается, это грузчики, едут неизвестно куда, никто их не кормит. Вдруг поезд встал. Дверь открывать не позволяют — тепло выходит. Если выйти — обратно не пустят. Просидев часа три, я все-таки вышел. Стоим на станции Тальцы. Пути забыты. Стоящий рядом эшелон готовится к отправлению. Пробую пробраться в теплушку к летчикам. Показываю свое удостоверение. «Пожалуйста, — говорят, — но только учтите, что мы за одиннадцать суток проехали всего двести километров. Если Вас это не пугает — присоединяйтесь». Летчики успели обзавестись хозяйством. У двери лежит топор, пила, горит лампа, тепло, уютно. Посидели немного, потом решили с моими новыми знакомыми сходить на станцию. Здесь узнали, что этот эшелон пойдет через день, а на Будогощь скоро отправляется снегоочиститель. Упросил взять меня. Через пару часов прибыли в Будогощь. Темно. С радости прыгаю со ступеньки, не глядя, прямо на какие-то ящики, ударяюсь скулой о что-то твердое. Пути забыты. Пробираюсь то под вагонами, то через тормозные площадки. Наконец, добираюсь до станции.

Нашел ППГ. Представился. Меня, оказывается, здесь знают. Госпиталь переполнен, вместо штатных двухсот они разместили у себя две ты-

22 августа

Утром был на совещании эпидемиологов. Затем смотрел госпиталь для раненых с переломами бедра. До сих пор плохо их лечим. Мышечная рана обрабатывается недостаточно радикально. Часто иссекают более поверхностные слои, а в глубине остается много мертвой ткани, что неизбежно ведет к развитию инфекции. Костная рана также плохо обрабатывается. Не добиваются удовлетворительного стояния костных отломков. Гипсовая техника на невысоком уровне.

23 августа

Оформлял документы для выезда в Москву, который сейчас затруднен. Перепечатал начисто доклад. Жду Молчанова, чтобы ночью лететь на Пленум Ученого совета.

24 августа

В три часа ночи вылетели с Молчановым в Москву. Сели на Тушинском аэродроме. Видим, как все время садятся У-2 с ранеными. Их сразу грузят в санитарные машины и отвозят в госпитали. Невдалеке развернута палатка. Пошли туда. Молодой врач встретил нас очень приветливо, напоил чаем, рассказал о своей работе. Посадил нас в автобус с ранеными, и мы поехали в город. Странно было ехать в Москве с ранеными, такими же, как и у нас. Они все глядят в окна. У Белорусского вокзала пересели в трамвай и доехали до клиники. Отец выглядит хорошо.

25 августа

С утра поехали к Смирнову в Главсанупр. Встретил там Н. Н. Бурденко, В. С. Левита, В. В. Гориневскую. Получил программу совещания и уехал в клинику. Все остальное время перedelывал свой доклад.

26 августа

Открылся Пленум Ученого медицинского совета. На Пленум приехал М. Н. Ахутин, С. И. Банайтис, П. А. Куприянов. Все обсуждают наше наступление под Ржевом. Смирнов сделал хороший доклад. Меня больше всего заинтересовал приведенный в докладе анализ ошибок в санитарном обеспечении боевых действий войск. Он указал на два главных недостатка: 1) неумелое применение принципа «эвакуации раненых по назначению», что часто приводило к вредной многоэтапности, 2) неумелое планирование медико-санитарного обеспечения наступательных операций. Я думаю, причина всех этих ошибок одна и та же. Дело в том, что многие дивизионные врачи, начсанармы и даже начальники санитарной службы фронтов не преодолели еще «условных рефлексов», воспитанных у них обстановкой первого года войны.

Доклад Бурденко читали. Завтра заседание по шоку и мой доклад. Ночевал в госпитале.

27 августа

Читал свой доклад. Он явился в сущности итогом наблюдений, которые мне удалось провести во время боевых событий у реки Халхин-Гол, в войне с Финляндией и в течение первого года Отечественной войны. Основываясь на личном опыте, я отметил, что самый простой, самый доступный в боевой обстановке и в то же время чрезвычайно эффективный метод борьбы с шоком — это новокаиновая блокада по А. В. Вишневскому. Блокада и гемотрансфузии нормализуют нервную трофику и гемодинамику при травматическом шоке.

Среди всего комплекса противошоковых мероприятий только новокаиновая блокада прерывает поток болевой импульсации из поврежденной области. Именно поэтому применение всех известных противошоковых средств без новокаиновой блокады столь же нерационально, как борьба с острой анемией у раненых при игнорировании факта продолжающегося кровотечения.

Мой доклад был встречен хорошо.

29 августа

Молчанов сделал доклад о дистрофии. Но его поставили третьим, тогда как он должен был быть вторым, и предыдущий докладчик заез в его тему.

30 августа

Вечером на секциях, где вырабатывалась резолюция по борьбе с шоком, председательствующий настаивал на том, чтобы вычеркнуть фамилию Вишневского, а блокаду оставить, упрямо называя наш способ шейной ваго-симпатической блокады «блоком по Бурденко». Я протестовал. Меня поддержал Банайтис.

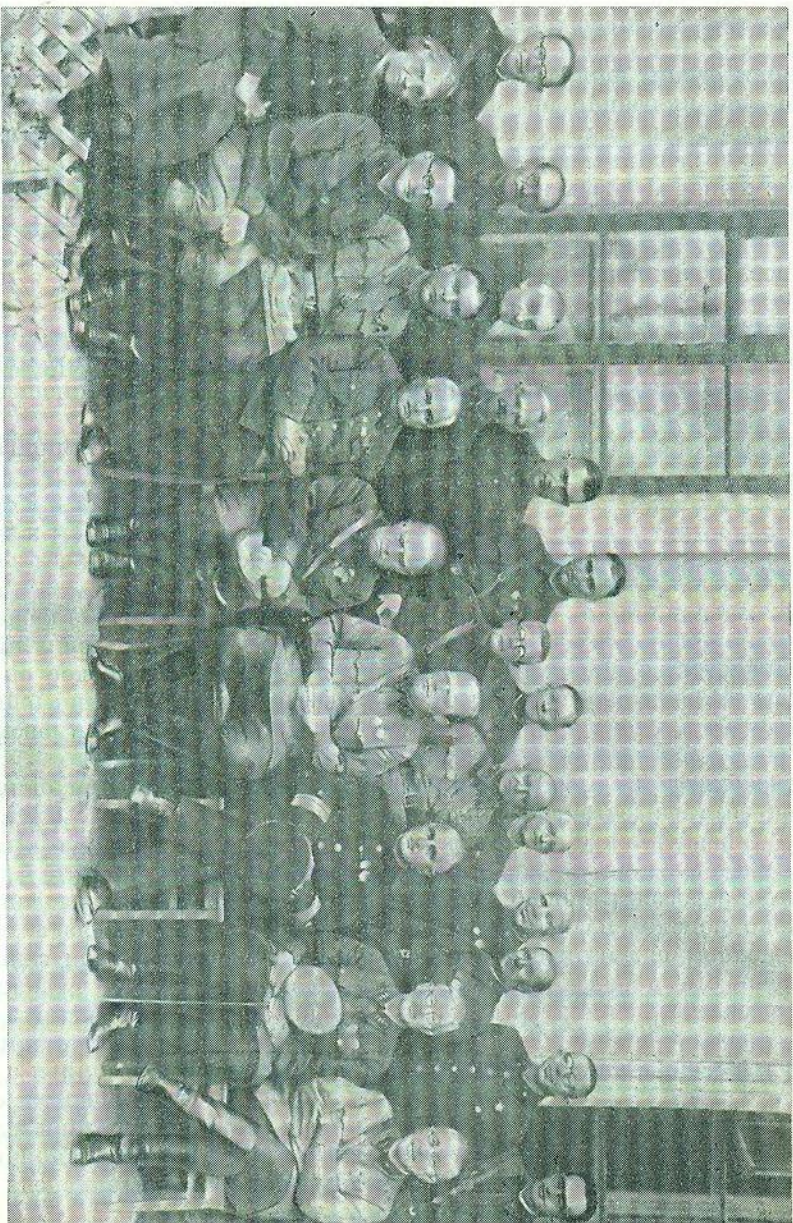
На пленарном совещании выступил Гирголав и хорошо отозвался о моем докладе. С заключительным словом выступил Смирнов. Говорил о маневре медицинских учреждений. На этом пленум закрылся.

После закрытия пленума небольшой компанией поехали обедать в Архангельское: Смирнов, Орбели, Аничков, Джанелидзе, Левит¹, Ахутин, Куприянов, Редькин, Шевкуненко² и я. Чувствуется, что все хорошо относятся к Смирнову. Джанелидзе сказал несколько теплых слов в мой адрес по поводу операции, которую я сделал Стукеею. Оказывается, некоторые участники Пленума вместе сфотографировались. А я и не знал. Очень жаль — хорошая была бы память...

Ночевать поехал в клинику.

¹ В. С. Левит — известный профессор, хирург, заместитель главного хирурга Советской Армии. Умер в 1961 г.

² В. Н. Шевкуненко — известный ученый топографоанатом, основоположник большой отечественной школы хирургов. Умер в 1952 г.

Участники 6-го Пленума Ученого совета при начальнике Главного военного медицинского управления. Слева направо: сидят — В. В. Горинская, В. Н. Шапов, М. И. Редькин, С. С. Туроголд, П. Н. Бурденко, Е. Д. Смирнов, Ю. Ю. Дженегидзе, В. Н. Шевчученко, Н. Н. Анучков; стоят — Ю. В. Друзов, Д. А. Энгин, В. С. Девил, В. С. Двойников, Л. Г. Ротгудз, Н. Н. Еванский, А. Д. Сперанский, М. Н. Азгулин, С. И. Банайтис, П. А. Курьянов, Ф. Г. Круглов, И. А. Гурьоровтов, С. С. Юдин, В. Н. Шейнис.

31 августа

Спал до двенадцати часов дня. Приехал Данюшевский, и мы отправились к Смирнову. У него просидели два часа и узнали много интересного. Оказывается, наступление под Ржевом начала одна из бывших наших армий, но оно застопорилось.

По пути в клинику встретил Лапшина — бывшего начальника ПЭП 2-й ударной армии. Он ждет нового назначения.

Выехали с Молчановым в Боровичи через Клин, Калинин, Бологое, Валдай. В Боровичах по телефону соединился с Песисом и узнал, что первый эшелон фронта передислоцировался на другое место и войска Волховского и Ленинградского фронтов начали проведение наступательной операции, имея целью снять блокаду Ленинграда в районе Шлиссельбургско-Синявинского выступа.

27 августа 8-я армия нашего фронта нанесла удар в направлении Синявинских высот. Всего 12—15-километровое пространство, занятое немцами, отделяло на этом участке войска Ленинградского и Волховского фронтов.

Наши войска, неся большие потери, обойдя Синявино с юга, углубились в сторону противника. Создалась возможность прорыва блокады, до Невы оставалось не более 6 км, но противник бросает большие силы авиации и артиллерии, и наши войска несут большие потери.

Песис обещал завтра прислать за мной самолет. Кто-то уже перевез мои вещи.

Ночевали в госпитале. Завтра в восемь утра лечу с Данюшевским в Тихвин, а оттуда к Песису.

2 сентября

Весь вчерашний день прошел в ожидании самолета, но он так и не прилетел.

Принял решение добираться через Тихвин. В восемь часов утра туда летит самолет. Да и операция, говорят, в полном разгаре, большие потоки раненых и притом необработанных поступают в Тихвинскую госпитальную базу. Надо посмотреть, что там делается.

Прилетели с Данюшевским и сразу с аэродрома отправились в госпитали.

Раненых в Тихвине полно, многие действительно хирургические не обработаны, начальники госпиталей просят разрешения часть раненых эвакуировать прямо в Вологду в РЭП. Опять не хватает санитарных поездов.

Тихвин подчистили, окна домов застеклили, и город стал выглядеть веселее. Осмотрел госпитали — большая перегрузка, не привыкли еще работать в таких условиях, да и на самом деле очень трудно. Ночью машиной поехали в штаб 8-й армии Войбокало.

1943

1 января

Праздновали Новый год, но особого веселья в нашей компании не было. Все озабочены предстоящей наступательной операцией.

2 января

Нашими войсками взяты Великие Луки. От ожидания предстоящих событий все мы стали понемногу сплетничать. Ездим все время по медсанбатам, которые очень медленно разворачиваются. Ночью ехал с передовой. Навстречу идут танки КВ — освобождать Ленинград. Двигаются солдаты с саночками, повозками, волокушами — простые русские люди. Многие из них будут ранены, некоторые погибнут, чтобы после войны ленинградцы счастливо жили в своем прекрасном героическом городе.

3 января

Решил написать специальную статью «Как хирургически была обеспечена боевая операция по освобождению Ленинграда».

4 января

Состоялось совещание начсандивов и ведущих хирургов в медсанбате 80-й стрелковой дивизии. В этом МСБ все хорошо организовано, даже дом отдыха устроен в деревне по соседству.

5 января

Позавчера наши войска взяли Моздок. Сегодня побывал в одном госпитале. Везде не хватает палаток, а они додумались использовать их под хозяйственные помещения. Даже лошадь держат в палатке. Пришлось основательно «поговорить».

А люди в шинелях по ночам все идут и идут. Стягиваются дивизии. Погода стоит теплая, тает снег, и танки двигаются с трудом.

6 января

Смотрели с Песисом медсанбат.

7 января

Сообщили, что нашими войсками взят Нальчик. Поехали с Песисом в медсанбат и попали под минометный обстрел.

8 января

Сегодня вместе с Сигалом сделали расчет предполагаемых потерь в предстоящую операцию. Едем в медсанбат.

9 января

В газетах опубликованы образцы погон. Медики расстроены, что медицинские погоны серебряные и узкие.

Все ждут начала активных действий. Погода не благоприятствует — тепло. Был у командующего фронтом. Жаль, что «Сборник» еще не напечатан. Его бы сейчас с пользой уже читали.

10 января

Сегодня приехал Г. К. Жуков. Вспомнился мне 1939 г., Халхин-Гол, где он так удачно командовал войсками. Объезжаю медсанбаты дивизий первого эшелона, которым предстоит принять участие в предстоящей операции.

11 января

Сегодня стало известно, что наши войска взяли Кисловодск, Пятигорск, Железноводск и ряд других пунктов. Видимо, немцы отходят с Кавказа, боясь окружения. У нас подготовка к наступлению идет полным ходом. Изучаем обстановку (схема № 6). В три часа ночи Песиса вызвал командующий. Спрашивает: «У нас все готово?» «Все». «Поставьте свои часы по моим». И через час мы выехали в войска.

12 января

Ночь не спали. Ждем. Семь, восемь, девять, тридцать... В 9 часов 30 минут началась мощная артиллерийская подготовка. В 11 часов 45 минут соединение 2-й ударной и 8-й армий перешло в наступление в общем направлении на Синявино. Слышим крики «Ура»!

Мы на правом фланге. Идет снег. Наша авиация все время в воздухе. Побывал в трех полковых пунктах и поехал в медсанбаты. Взятые Круглая роща, обойдены Липки и взята часть восьмого поселка. Приехал в медсанбат 463 к Чеглецову. Здесь уже скопилось 600 раненых, но порядок не нарушен. Все размещены в тепле, людей кормят и сортируют.

Пошел в операционную, прооперировал раненого в живот. В противошоковой палатке медсанбата, как и в других подразделениях, дело поставлено хорошо. Наблюдая здесь раненых в состоянии шока, лишний раз убедился в том, что при выведении раненых из шока сначала повышается минимальное артериальное давление, а потом максимальное. Похоже на то, что под влиянием новокаиновой блокады эта последовательность выявляется более отчетливо.

13 января

67-я армия Ленинградского фронта, двинувшись в атаку 12 января в 11 часов 45 минут и перейдя через Неву, прорвала главную оборонительную полосу и ее части продвинулись в глубь обороны противника.

Говорят, что ленинградцы ворвались в Шлиссельбург и там идут уличные бои. Но эти данные недостоверны. После двухчасового сна поехал в медсанбат 132; убедился, что дело у них идет неплохо, несмотря на то что этот медсанбат перегружен и раненых здесь скопилось около 800 человек. Эвакоприемник 226 перестал принимать раненых из-за перегрузки.

Всех везут в расположенный дальше эвакуприемник 138. В МСБ сделал лапаротомию и резекцию коленного сустава. Всем очень понравилась местная анестезия. Ассистировал мне при операциях хирург Курников — хорошо помогал.

Ночью с Клейстом побывали в трех полковых медицинских пунктах. Работают они хорошо.

14 января

Приехал Песис. Я решил остаться в медсанбате 245 и прошел по всем его подразделениям. В сортировках работа идет слаженно. Научились быстро отделять легкораненых от общего потока и выявлять нуждающихся в немедленной помощи. Неплохо идет дело и в эвакуотделении. А вот в госпитальном взводе всех оперированных хирурги полностью передали в руки терапевта и почти сюда не заглядывают, на что я уже не раз обращал внимание и это довольно распространено. Слов нет, терапевты очень помогают нам в борьбе с шоком, они умеют выхаживать оперированных, но все получается у них хорошо только при постоянном контакте с хирургами. Совершенно нелепо передавать оперированных раненых целиком в руки терапевтов.

Закончив общий обход медсанбата, я вернулся в операционно-перевязочный блок. Прооперировал здесь раненого в живот и трех раненных в конечности. Сделал резекцию коленного и локтевого суставов и перевязал плечевую артерию. Ведущий хирург медсанбата — Новолодский — хороший специалист, но не любит заниматься вопросами организации. Он и его помощник Будько с удовольствием поочередно ассистировали мне. Закончив работу в МСБ, я отправился на близко расположенный командный пункт армии к командующему. Он очень радушно встретил меня, и я остался у него почевать. Весь день и даже ночью грохочут «Катюши». Говорят, что появились пленные немцы.

К вечеру войска 2-й ударной армии вышли на линию рабочих поселков и овладели железнодорожной станцией Подгорная. Передовые дивизии Волховского и Ленинградского фронтов разделяет двухкилометровая полоса, занятая противником. Здесь идут ожесточенные бои.

15 января

Приехал в медсанбат 272. Здесь тоже перегрузка, но работают все хорошо. Прооперировал по поводу очень сложного ранения: пуля противотанкового ружья прострелила грудь слева направо и сверху вниз, после чего проникла в забрюшинное пространство, разрушив правую почку. Входное отверстие в груди оказалось настолько маленьким, что даже не образовалось открытого пневмоторакса.

16 января

Приехал Песис и сообщил, что наши войска взяли станцию Сиявино, 8-й поселок и пошли штурмом на поселок Сиявино. Есть слухи, что в

районе 5-го поселка соединились войска Волховского и Ленинградского фронтов. Ленинградцы идут клином, мы наступаем широким фронтом, и расстояние между нами теперь всего около 500 м. Этот участок сплошь простреливается, пройти по нему невозможно. Ленинградцы взяли в плен немецкого капитана. Он сообщил, что их командование дало приказ: во что бы то ни стало держать коридор, потому что по нему якобы будут отходить части из Шлиссельбурга. Но в последнюю минуту сообщили, что по этому коридору пройдут два полка для подкрепления Шлиссельбурга.

17 января

Ездил в госпиталь Данилова. Делал резекцию коленного сустава по поводу гнойного гонита. Когда сильно раздроблен нижний эпифиз бедренной кости, надо оперировать по нашему способу, иначе раненый или погибнет от сепсиса, или придется делать ампутацию. Я обратил внимание, что в последних встретившихся мне восьми случаях ранения коленного сустава эпифиз бедренной кости был разрушен, а большеберцовой — цел. Но может быть, это случайное совпадение?

Операции и резекции на суставах в мирное время — это операции с ограниченным поражением кости — не то, что здесь.

Во время операции поранил костным шипом левую руку.

Все ждем соединения с ленинградцами. Они штурмуют Шлиссельбург.

18 января

Сейчас стало известно, что наши войска в 9 часов 30 минут соединились с войсками Ленинградского фронта. Итак, поход от Волхова до Невы окончен. Больше полутора лет я пробыл в войсках, боровшихся за прорыв блокады Ленинграда. Эта операция была хорошо организована и прошла с меньшим количеством жертв, чем их могло бы быть. Но все мы так устали, что до сих пор еще не осознали всей значительности свершившегося факта.

А свершилось то, к чему в течение 16 месяцев стремились воины Волховского и Ленинградского фронтов. Блокада прорвана, все южное побережье Ладожского озера очищено от противника. Хотя пробитый нашими войсками коридор еще не широк — всего 8—11 км, но это уже связь по суше страны с Ленинградом.

Приехал Ортенберг и привез мне письмо от отца. Отец пишет о своем выступлении в хирургическом обществе.

19 января

О нашей победе знает вся страна. Утром передано сообщение Советского информбюро, в котором говорилось, что в течение семи дней в упорных боях наши войска одержали победу, нанесли немцам тяжелый урон в живой силе и технике. Прорыв блокады Ленинграда — победа огром-

ной важности. Расчет врага на удушение Ленинграда в тисках блокады провалился.

Не буду скрывать — это событие мы отметили должным образом.

Ездил по медсанбатам. Сделал четыре операции по поводу ранений живота и две резекции коленного сустава.

20 января

Утром поехали с Песисом смотреть 8-й поселок. До войны здесь была разработка торфа, а у немцев здесь проходила линия обороны. Мы поехали, чтобы лично определить места для МСБ. Они очень оторвались от своих частей. Едем по кустарнику, сплошь сбитому артиллерийским огнем. Перед поселком, который стоит на возвышенности, ровное поле. Стоят несколько наших подбитых танков, лежат трупы, тоже, по-видимому, наши. Все это место — сильно простреливалось немцами, так как из поселка все хорошо видно. Подъезжаем. Поселка как такового нет. Кругом окопы, землянки, земляные насыпи укрыты плетнями. Мы посмотрели укрепления и поехали назад. Мороз свирепый. В госпитале узнали, что ранен генерал Федюнинский — командующий 2-й ударной армией. Вскоре Шрайбер и Меерсон его привезли. Ранен в верхнюю треть бедра недалеко от старого ранения, полученного на Халхин-Голе. Я его оперировал, достал большой осколок мины — он обошел бедренную кость и на противоположной стороне сделал большую полость. Рану обработал спиртом и рыхло затампонировал марлевыми тампонами с нашей мазью. Операцию делал под местной анестезией. Федюнинский остался доволен, правда, анестезию мы дополнили несколькими рюмками коньяка и таким образом, обезболивание получилось абсолютное. Вел себя Федюнинский во время операции замечательно. Говорили о войне, о скорой победе, вспоминали наши встречи на Халхин-Голе.

21 января

Поехал в первый поселок. Ехали через 4-й. По дороге попали под артиллерийский обстрел. В первом поселке сохранилось несколько домов. Здесь у немцев был госпиталь. В машинах — рентген, зубоучебный кабинет. Кое-что из трофеев удастся использовать для нашей службы.

22 января

Наши сдали 6-й поселок. Немцы держат Синявино.

23 января

Болит наколотая во время операции рука. Захворал генерал П. Н. Кулепов — лежит в медсанбате.

24 января

Рука сильно болит. Значительный отек.

25 января

Состояние Кулешова ухудшается. С утра поехал к нему. Я думаю, что у него инвагинация. Молчанов и Зак склонны видеть здесь аппендикулярный инфильтрат. Днем решил сделать блокаду, но вечером больному стало еще хуже. Положил его на стол. Решил идти большим срединным разрезом под местной анестезией. Сделал разрез. В брюшной полости жидкость, перитонит, почерневшие петли тонких кишок — инвагинация. Кончил оперировать в четыре часа утра. Во время всей операции вел он себя молодцом.

26 января

Смотрел Кулешова. У него рвота, по-видимому, атония. Наши войска вновь взяли 6-й поселок. Синявино все еще в руках у немцев.

Из Рыбиска приехал Юрков и привез несколько экземпляров «Сборника трудов хирургов Волховского фронта». Книга получилась хорошая.

27 января

Сегодня сообщили о разгроме сталинградской группировки противника.

28 января

Все вожусь с Кулешовым. У него выражены явления атонии кишечника.

В газетах опубликован приказ Верховного Главнокомандующего с благодарностью различным фронтам, в том числе и нашему.

29 января

Утром перелил Кулешову кровь. Он чувствует себя значительно лучше. Оперировал раненного в живот с четырнадцатидневной эвентрацией поперечноободочной кишки и части желудка. Сделал резекцию кишки и репонировал в брюшную полость желудок.

30 января

Сегодня награждают командование фронтов полководческими орденами. Меренков получил орден Суворова I степени, а Федюнинский — Кутузова. Это — радость для всех нас.

31 января

Начал работать над докладом о ранениях суставов. Состояние Кулешова и Федюнинского удовлетворительное. Наши войска на юге продвигаются успешно.

1 февраля

Ездил в госпиталь. Все наблюдаю наших девушек. До чего же им тяжело! Нет, война не для женщин!

2 февраля

Разгром сталинградской группировки закончен, а мы вот все не можем взять Синявино.

3 февраля

Газеты полны сообщений о пленении армии Паулюса.

4 февраля

У нас намечается вторая операция. Действовать будут 52-я и 2-я ударная армии.

5 февраля

Поехали с Песисом в 54-ю. Дорога ужасная. Метель. Были в Военном Совете. Немного познакомились с обстановкой.

6 февраля

Сильнейшая метель. Выехать никуда невозможно. Осматривал госпитали. Армия стоит в обороне. Это наложило отпечаток и на госпитали. Люди обросли хозяйством — их трудно будет сдвинуть с места.

8 февраля

Освобожден Курск и Азов. Создается впечатление, что немцы отходят повсюду.

9 февраля

Ездил к Шрайберу во 2-ю ударную армию. Ознакомился на месте с их планом лечебно-эвакуационного обеспечения предстоящей наступательной операции. Принципиальных возражений у меня нет. Договорились со Шрайбером, что он большую часть времени проведет в медсанбатах. За госпиталями будет смотреть его хирург — инспектор ПЭП С. Либов.

В воздухе немецкие самолеты. Наверное, что-нибудь разнюхали и наблюдают за передвижением войск. По-видимому, операция скоро начнется. Решил съездить в 54-ю армию.

С докладом что-то не ладится. Метель продолжается.

12 февраля

Сегодня началась наступательная операция 54-й армии. Поехали с Чечулиным по медсанбатам. В одном из них прооперировал трех раненых, одного из них с ранением в живот, с обширным разрывом тонкой кишки. Несмотря на большой поток раненых, я счел возможным произвести операцию по поводу ранения живота, которая заняла у нас не так много времени. Операция производилась под местной анестезией. Ассистировали врачи С. М. Рагинская и А. И. Рыбаков. Молодым врачам показал операции ушивания пневмоторакса и ампутации бедра.

13 февраля

Побывал в двух медсанбатах и четырех полковых медицинских пунктах. Оперировал. Вечером отправился во временное полевое управление фронта. Хотел лететь в Боровичи, но не разрешили.

14 февраля

Взял Ростов, Ворошиловград. Мы начинаем стягивать силы у Новгорода. Работаю над докладом о суставах.

15 февраля

Утром с Сигалом вылетели на «уточке» в Боровичи. У Тихвина встретили «мессершмитта», но он, по-видимому, нас не заметил. Долетели благополучно. Осмотрели военно-санитарную выставку нашего ПЭП. Мне понравилось. Ознакомился с материалами Кагана по хирургическому лечению ранений суставов. Он, по-видимому, опытный травматолог.

16 февраля

Утром с Каганом поехали по госпиталям. Хирургическая помощь здесь организована неплохо. Посмотрел, как он делает резекцию локтевого и плечевого суставов. Оперирует хорошо, но местная анестезия не по его темпераменту. Затем я сам сделал резекцию локтевого сустава под местной анестезией. Больной не пикнул.

Из-за погоды вечером вылететь не удалось.

17 февраля

Сегодня вылетели во временное полевое управление фронта. Прибыли благополучно. Ночевал дома в лесу.

18 февраля

Ездил в Сясьстрой через Волхов и дальше по замерзшему каналу. Приехал прямо на совещание, посвященное разбору медицинского обеспечения прошедшей операции. Пришлось выступать.

19 февраля

Рано утром оперировал в госпитале: удалил осколок из левого легкого у молодого бойца. После обеда поехал в ВПУ. Узнал, что освобожден Харьков.

20 февраля

Поехал к Чечулину в 54-ю армию. Прооперировал в медсанбате двух раненных в живот.

21 февраля

Все медики и не медики озабочены приобретением погон.

22 февраля

Вернулся поздно ночью к себе. Военного успеха пока нет.

23 февраля

Праздновали 25-летие РККА. Сигал и еще многие получили ордена. Вечером вышили.

26 февраля

Снег начинает таять. Скоро нельзя будет проехать. Все ничего не делают. С докладом что-то не клеится. Впрочем, у меня всегда так вначале.

27 февраля

Кажется, наступление на юге приостановилось. Получил труды 6-го Пленума Ученого медицинского Совета, там напечатан и мой доклад о шоке.

28 февраля

Снег по-прежнему тает. Дороги совсем развезло.

1 марта

Сегодня стало известно, что 2-я ударная армия уходит от нас в Ленинградский фронт. Мы ее усилили множеством госпиталей, а теперь все это от нас ушло. Интересно, как меняются люди. Вчера еще, будучи подчиненными, слушались, а сегодня уже смотрят снисходительно.

2 марта

Разгорелся конфликт. Наши дали распоряжение часть госпиталей из 2-й ударной армии вернуть нам. Начсанарм 2-й армии распоряжение это выполнять отказывается. Из Тихвина приехал Песис и включился в «борьбу».

3 марта

Из Ленинграда приехал Сигал и рассказал мне, что Куприянов обещен на меня за статью, напечатанную в сборнике, где я отвечаю ему насчет пихтового бальзама, который он предлагает вместо дегтя в состав нашей мази.

4 марта

Освобожден Ржев. Говорят, что на юге немцы перешли в контрнаступление и даже где-то прорвали наш фронт. Вторую ударную армию передали в Ленфронт. По-видимому, ставка решила сделать их ответственными за операцию. Они должны взять, наконец, Синявино, иначе через три недели место прорыва, где сейчас находятся наши войска, превратится в болото.

5 марта

Был в бане. После «харча» это самое главное на войне. Работаю над докладом.

6 марта

В пять часов утра мы с Песисом побрились и выехали в Ленинград. Деревня Шальдиха, тут дислоцируется второй эшелон 2-й ударной армии. Берег канала, здесь были немцы. Едем на Шлиссельбург. Деревянные домики целы, каменные почти все разрушены. Нева. Справа бывшие немецкие окопы в три ряда. Хорошие теплые землянки. Переезжаем Неву по Марьиной переправе. Едем мимо Колтушей. Въезжаем в пригород Ленинграда. Кругом все разрушено. Людей почти не видно. Что это — ранний час или все умерли? Выборгская сторона... Военно-медицинская Академия. Проезжаем мимо клиники С. П. Федорова¹, я еду на Петроградскую сторону в ВИЭМ, Песис к себе. Улица Павлова... Останавливаю машину, меняю валенки на сапоги. Только переоделся — вижу Канторовича — моего хорошего знакомого, замечательного хозяйственника Института экспериментальной медицины. Въезжаем в ВИЭМ. Он ведет меня в здание, где работали до войны Аничков и Гурвич². Теперь здесь развернут госпиталь. Я уже был здесь у Мусаэляна и сейчас иду к нему. Это настоящий директор. Он полон разных идей по восстановлению и расширению института. Подарил свою брошюру о Павлове, потом ведет меня завтракать, очень радуясь и даже гордясь тем, что в Ленинграде тоже могут теперь покормить. Едим картофель, я угощаю его американской колбасой.

Во время блокады Ленинграда ВИЭМ высоко держал знамя русской науки. После завтрака Мусаэлян показал мне лабораторию, в которую попала бомба. Распрощались мы очень тепло. Уходя, я уносил с собой большое чувство гордости за ВИЭМ, за нашу медицинскую науку. Едем с Иваном по Каменоостровскому. Трамваи ходят очень редко, машин мало. Вероятно, поэтому все регулировщики-милиционеры и даже женщины с детьми приветствуют нашу машину. Проезжаем мечеть, дворец Кшесинской, справа остается Петропавловская крепость. Въезжаем на Кировский мост. Мой шофер впервые в Ленинграде, и я ему все объясняю, он в восхищении от этого города. Зарегистрировавшись у коменданта, поехали в инженерный замок. Здесь наверху расположился госпиталь для легкораненых, а внизу — Санитарное Управление Ленинградского фронта. Встретил главного терапевта фронта проф. Гельштейна. Пришел Куприянов. Сели за стол, я вынул коньяк и колбасу, они — немного хлеба. Куприянов нападает на меня за то, что я задел его в своей статье, а Кавтунович упрекает в том, что я их будто бы «неверно цитирую».

¹ С. П. Федоров — крупнейший отечественный хирург, профессор Военно-медицинской академии.

² А. Г. Гурвич — крупный ученый, известный своим открытием митогенетических лучей (лучи Гурвича).

Я почти не отвечаю, хотя мог бы многое возразить. Решил не ссориться. Все-таки я у них в гостях. Затем ведут меня обедать. Они тоже горды тем, что могут накормить. Встретил Сомова, его здесь немного жмут за то, что он «человек Вишневого». Встретился с начальником Санитарного Управления Ленинградского фронта Верховским. От него зашел к начальнику лечебного отдела Васильеву, он постарел. Вот замечательный человек и настоящий работник!

Решили с Гельштейном пойти в Александринку. С трудом достали билеты. Смотрели «Сильву». Народу много, почти все в пальто. После театра отвез Гельштейна домой и поехал к себе «домой», т. е. на Волховский фронт. Проехал Колтуши, сбился с дороги. Подъезжаем к Неве — никого нет вокруг, только ракеты да стрельба. Я догадался, что заехали в расположение Невской Дубровки. Несколько снарядов упало рядом. Как странно! Совсем недавно — «Сильва», а сейчас — снаряды.

Повернули назад, здесь у нас проверили документы и объяснили, как проехать к Марьиной переправе. Переезжаем Неву. Налево Шлиссельбург, Иван беспокоится, что не хватит бензина, жмет как только может. Вдруг навстречу люди, он круто поворачивает машину и врывается в снег. Бензин кончился. Посылаю его на попутной машине в госпиталь, а сам остаюсь откашлявать нашу. Ночь проходит в ожидании.

7 марта

Утром на грузовике приехал Иван. Вытащили машину и поехали в госпиталь. Отдохнули и тронулись дальше. Вечером от Песиса узнал, что 2-ю ударную армию опять передают нам. Бедный пачсанарм, теперь Песис ему покажет!

8 марта

Еду машиной в Боровичи через Тихвин и Неболчи.

9 марта

Приехал в Боровичи днем. Осмотрел два госпиталя. Здесь все идет хорошо.

На юге наши отступают. Оставили Лозовую.

10 марта

Утром смотрел раненных в коленный сустав. Некоторых (15—20%) оперируют, остальных лечат консервативно.

11 марта

Утром выехали в Тихвин. Здесь довольно много случаев столбняка — за два месяца — шестьдесят. Надо обратить на него внимание и особенно потому, что мы сыворотку вводим всем, а столбняк все-таки есть. Доехал до Сясьстроя и остался здесь ночевать.

12 марта

Кругом все тает. Едва добрался до Полевого управления фронта.

13 марта

Продолжал работать над докладом. Готовимся к операции 8-й армии. Дороги стали непроезжими. Смотрел госпитали.

14 марта

Готовим операцию на левом фланге. Новгород!

15 марта

Сдали Харьков. По-видимому, на юге немцы снова пытаются перейти в наступление. Но теперь это совсем не то, что прежде.

Утром вылетел в Боровичи. Наши урологи устраивают там фронтное совещание, и мне надо принять в нем участие. Погода скверная. Очень сильно болтает. Моего молодого спутника рвет. Сели в Неболчи. Дальше до Боровичей едем машиной. Из Москвы сюда приехал Фронштейн. Я с ним так близко встречаюсь впервые; он производит хорошее впечатление. Вечером выступал он, потом я.

16 марта

Переночевал в Боровичах. Утром сказали, что лететь нельзя. Отдохнул и побывал в госпиталях.

17 марта

Утром вылетел в Новоселицы. Пошел в госпиталь 743, развернувшийся в красных кирпичных зданиях еще аракчеевской постройки. Пообедали и поехали в медсанбаты. Встретил в МСБ армейского хирурга Тихомирова. Прооперировал раненного в живот под местной анестезией.

18 марта

Был в медсанбате 810. Здесь доктор Соколов прооперировал пятнадцать раненных в живот. Тринадцать из них в хорошем состоянии. Он засыпает в полость 20 г порошка белого стрептоцида и на протяжении первых 2—3 суток назначает раненым по шесть литров физиологического раствора капельно подкожно. Конечно, при прочих равных условиях (сроки оперирования, характер ранения, техника операции, анестезия и др.) качество послеоперационного ухода имеет огромное влияние на выживаемость раненных в живот.

19 марта

Утром меня разбудил Юрков: «Командующий войсками фронта приказал Вам немедленно приехать. Он поздравляет Вас с орденом Отечественной войны I степени». Сел в самолет и полетел. Вечером Песис прочи-

тал приказ о моем награждении и вручил мне орден. Были мы только вдвоем, и все же я волновался.

20 марта

Поехал с Песисом в медсанбаты, все работают. Во фронтовой газете моя фотография.

21 марта

Весь день был на фронте. Дороги ужасные! Вчера наши продвинулись на семь километров, сегодня стоят. Вечером был в Военном Совете, Мерцков тепло меня поздравил.

22 марта

Весь день проработал дома.

23 марта

Поехал в 8-ю армию. Для участия в предстоящей операции мы привлекли троих армейских хирургов из еще не действующих армий — Чечулина, Хейфица и С. Л. Либова. Поручили каждому из них руководить работой нескольких медсанбатов и полевых госпиталей, а общее руководство закрепили за армейским хирургом 8-й армии Заком. Либов мне нравится, хотя и любит немного порисоваться. Сын врача и сам, по-видимому, хороший врач. Рассказывает, как в начале войны в Вологде в одном эвакогоспитале одновременно работали три Либова: старший брат Александр — ведущий хирург госпиталя. Могут сказать — «семейственность». А я думаю, что не так уже это плохо.

24 марта

Утро начал с первичной обработки коленного сустава по нашему способу. Только к ночи добрался домой.

25 марта

Погода отвратительная.

26 марта

Таает. Дороги все хуже и хуже. На юге дела неважные. День провел дома.

27 марта

Пишу доклад о суставах. Фотографировался с Быковым и Кулешовым. Уговорили поехать с ними завтра поглядеть на залп «катюши».

28 марта

В 12 часов дня поехал в штаб 8-й армии к генералу Кулешову, потом с ним и генералом Быковым в полк, тот самый, где я был во время Си-

нявинской операции. Впереди поляна, кругом лес. На опушке стоят замаскированные машины. Кулешов дает задание начальнику артдивизиона и, обернувшись ко мне, добавляет: «В твою честь, Александр Александрович!» Команда: «К бою готовься!», и из землянок выскакивают люди и в несколько минут расчехляют машины. Мы стоим у дерева метрах в двадцати. Один за другим раздаются залпы. Польшая огнем, ползут длинные, как сигары, снаряды. Прекрасно, четко работают гвардейцы.

Поздно ночью вернулся на ВПУ.

29 марта

У меня большая радость: вернулся боец, с которым я посылал жене посылку, привез от нее письмо и рисунок нашего трехлетнего сына. Он нарисовал человека: квадрат, две ноги, две руки и голову. Хорошо, если бы он стал художником. Если верить в наследственность, то к этому имеются некоторые основания по материнской линии. Жена пишет, что он вначале хотел быть доктором и все резал, но теперь, видимо, решил переменить профессию: стреляет.

30 марта

Утром приехал в 8-ю армию. Там разгорелся спор армейских хирургов, в нем участвуют все: Либов, Зак, Чечулиц, Хейфиц. Дело в том, что несколько дней тому назад я им показал щадящую резекцию коленного сустава при свежем ранении под местной анестезией. Операция прошла хорошо. Теперь они спорят о том, следовало ли этого раненого оперировать или его можно было лечить консервативно. Я подумал: если даже армейские хирурги недостаточно ясно распознают показания к превентивному вмешательству при ранениях суставов, то очевидно, в ГВМУ поступили правильно, поставив эту проблему на обсуждение Пленума Ученого Совета. Пришлось еще раз перечислить показания к оперативному и консервативному методам лечения при неосложненных ранениях суставов. Как известно, эти показания определяются масштабами внутрисуставных повреждений, судить о которых можно только на основании рентгенологических исследований.

31 марта

Поехали с Заком в ближайший медсанбат. Здесь убили командира, а нового еще не назначили, и из-за этого заметно страдает работа. Я позвонил начсанарму и просил его ускорить назначение комбата. Всю ночь ехали до ВПУ. Завтра хирургическое совещание во 2-й ударной армии. Я пригласил на него всех армейских хирургов.

1 апреля

Из-за плохих дорог с трудом добрался до Бабанова. Здесь в клубе открылась конференция. После начсанарма В. Н. Павловского выступал Шрайбер и резонно доказывал, что иноперабельных раненных в живот на-

до лечить консервативно и кое-кто из них может выжить. Иноперабельность не следует отождествлять с инкурабельностью. Кстати, об этом говорилось неоднократно.

2 апреля

Еще день конференции, вечером кино. Очень устал.

3 апреля

Утром приехал домой и узнал, что мне присвоено звание полковника. А я-то все просил у Кулешова взаймы генеральскую папаху! Песис получил «Генерала».

4 апреля

В воздухе большая активность немецкой авиации. В ППГ 13 демонстрировал армейским хирургам удаление осколка из легкого. Прошло хорошо.

5 апреля

Весь день чувствую себя скверно. Завтра поеду в Сясьстрой.

6 апреля

В четыре утра выехал в Сясьстрой. Дорога ужасная. Едва добрался до места. Сейчас в ледоход Волхов напоминал мне Волгу. Не доезжая Сясьстрой, увязли. Дорога стала совершенно непроезжей. Я пошел пешком, добрался к семи часам вечера.

Обсуждали повестку второго фронтového совещания хирургов. Были Либов, Зак, Чечулин, Хейфиц. Решили ограничиться двумя темами. Доклад Песиса общего характера об итогах работы и задачах службы, два моих доклада о ранениях груди и о ранениях суставов, и другие доклады тоже о ранении груди и суставов. Таким образом, конференция будет тематической.

Лег спать в пять часов утра.

7 апреля

В восемь часов утра отправились в обратный путь. Сясь переплыли на лодке, а потом в машине двинулись дальше в Полевое управление фронта. По дороге пели песни, декламировали стихи Симонова, вытаскивали из грязи машину и только поздно ночью добрались до места.

Сразу же по приезде мне сообщили, что только что в штабной госпиталь привезли раненного в живот. Он плох. Перитонит. Раненый — пожилой человек, грязный, обросший, с признаками дистрофии. Пульс частит, слабого наполнения. Случай тяжелый. Оперирую, анестезия проходит прекрасно. После операции раненый чувствует себя явно лучше. Сделал назначения.

1944

1 января

Весь день болела голова. Разбирал тетради своего дневника. Написаны они моим скверным почерком и иногда сам не понимаю, что написал.

Сегодня сообщили об освобождении Житомира. Как видно, на юге дела идут хорошо. Мы готовимся.

2 января

Утром побывал в музее Санитарного Управления Волховского фронта. Хирургия представлена ужасно. Придется самому все переделывать. Взялся переписывать первые тетрадки дневника. Вечером был у Молчанова, он готовится к совещанию терапевтов, которое назначено на четвертое.

3 января

Все заняты подготовкой к терапевтическому совещанию. Наши войска освободили Новоград-Волинский.

4 января

Сегодня открылось совещание терапевтов Волховского фронта. Приехал Вовси и делегаты из Вологды. Граценков не приехал. Молчанов сделал доклад. Вечером сообщили, что освобождена Белая Церковь.

5 января

Второй день совещания целиком посвящен обсуждению проблемы пневмоний. Выступая в прениях, я подчеркнул, что терапевтам не следует ограничиваться рамками своей специальности. Практика показала, что их задача заключается не только в организации терапевтической помощи на этапах медицинской эвакуации, но также в посильной помощи хирургам в лечении раненых.

Кстати, о пневмониях. Я подчеркнул, что говорить просто о пневмониях у раненых — это значит сказать очень мало. Необходимо исследовать вопрос о зависимости тяжести и характера пневмоний от локализации ранения — череп, грудь, живот, конечности. Кроме того, — сказал я, — терапевты не понимают, каким мощным и вместе с тем простым патогенетическим средством является шейная ваго-симпатическая блокада для борьбы с пневмонией. И, наконец, как редко они учитывают влияние наркоза при изучении пневмоний. Надо знать, при каком наркозе раненый оперировался, так как это может иметь прямое отношение к легочным осложнениям.

6 января

Сегодняшний день на совещании посвящен энцефалиту. Полным ходом идет подготовка к боевым действиям.

Днем оперировал раненого с аневризмой лучевой артерии —пил «струю крови», как учил меня отец. На операции присутствовали Чечулин и Блюмин. Вышло очень удачно.

8 января

С утра делал обход фронтového сортировочного эвакуационного госпиталя, поставленного на грунт. Отметил много недостатков: плохо подготовились к быстрой разгрузке прибывающих машин с ранеными, в операционной и перевязочной развернуто слишком мало столов. Все это, разумеется, отрицательно скажется на пропускной способности.

День очень хороший: солнечный, морозный. В воздухе немецкие самолеты. Говорят, что один самолет сбили.

9 января

Целый день устраивали свое жилье. «Дача», надо сказать, неплохая: теплая, уютная, чистая. Две небольшие комнаты и кухня. Принесли столы, скамейки, кровать, появилось какое-то подобие домашнего уюта. Домик стоит в сосновом лесу, воздух свежий, чистый. Снегу много, были бы лыжи, можно бы, пока на фронте затишье, заняться спортом.

День пасмурный, идет снег, в воздухе ни единого немецкого самолета. Какой причудливый климат — вчера мороз, солнце, сегодня — сыро, пасмурно, снег.

Вечером ездили с Молчановым к Штыкову. Все говорили, что Штыков намерен меня ругать, а оказалось совсем не так. Два часа мирно с ним беседовали. Он сообщил нам, что убит писатель Ставский. Это был очень смелый и добрый человек. С его смертью я потерял большого друга.

10 января

Утром Макаров, Веселов и я поехали в медсанбаты дивизий левого фланга. Они развернуты непосредственно против Новгорода. Остановились в Новоселицах, у начальника ГОПЭП Островского, чтобы пообедать. На стол был поставлен большой белый кувшин с подозрительной жидкостью. При ближайшем рассмотрении в кувшине оказался денатурат, слегка подкрашенный брусникой.

В медсанбате 225-й стрелковой дивизии мы решили заночевать. Принимал нас дивизионный врач Н. Г. Иванов¹. Одна из сестер медсанбата — его жена, очень симпатичная женщина. Вообще многие начальники женились. Ничего не поделаешь — война длится третий год. Иванов показал нам карту и познакомил с задачей дивизии. На ночь нас поместили в противопожарной палатке. Мне не спалось и, накинув шинель, я вышел на воздух. Лес, луна, тишина. Когда-нибудь буду вспоминать этот вечер под Новгородом. Вернулся в палатку. Пожилой красноармеец, сидя на корточках, топил маленькую железную печку. Мы разговорились: «Спать, наверное, хочешь? Спи», — предложил я ему. «Да нет, мы привычные. Намедни тоже всю ночь не спали. „Фрица“ пленного караулили. Вот на этой

¹ Н. Г. Иванов — в настоящее время начальник Военно-медицинской Академии имени С. М. Кирова, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук.

койке лежал». Он показал на койку, на которой спал Макаров. Тот так и подпрыгнул: «Ах, вы, мать вашу за ногу!.. То-то я никак заснуть не могу. Тут, наверное, и вши немецкие!» Он вскочил с кровати и в одних кальсонах и рубашке забегал по палатке. Красноармеец вытянулся, смущенно бормоча: «Мы чего же. Мы — как приказано». Макаров собрал свои пожитки и перелег на другую кровать.

11 января

Утром нас разбудил дивизионный врач, и Макаров сразу принялся за вчерашнее. Начсандив, улыбаясь, стал извиняться, а меня, неожиданно для меня самого, заинтересовал пленный немец и его судьба. Выбрав удобную минуту, я спросил, что это был за «фриц» и каким образом он сюда попал. Оказалось, пленный был ранен. Наши брали «языка», ворвались в землянку, убили двух немцев, а третьего, ефрейтора, схватили. Он сопротивлялся и в борьбе ударом приклада ему разбили нос. А когда стали связывать, он укусил за палец красноармейца. Тогда тот ткнул его пожом. Уже размахнувшись, вспомнил, что сбоку у человека расположены почки, что нужен «язык», и повернул пож. В результате спесено два остистых отростка, но пленный остался жив и был доставлен в штаб дивизии. Здесь оказалось, что он скуп на разговоры, но все же у него удалось узнать, что на этом участке находятся три дивизии, что немцы знают о готовящемся наступлении и что у них получен приказ, категорически запрещающий отступать.

Пошел осматривать медсанбат. Он производит приятное впечатление. Хорошо развернут. Люди знают свои обязанности. Чувствуется, что у всех за плечами большой опыт. К вечеру поехал в терапевтический госпиталь к старому своему другу — казанцу Еселевичу. Они развернулись в лесу и прекрасно отстроились — занимают шестьдесят маленьких домиков и один большой, который Еселевич называет «клиникой». Здесь мы заночевали.

12 января

Утром поехали в медсанбат 466. По пути встретили аэросани. По-видимому, это те самые, о которых начсандив Иванов говорил, что они вместе с двумя батальонами лыжников пойдут в обход Новгорода по льду, через озеро Ильмень. Этим маршрутом уже ходила по озеру разведка, побывала в двух-трех деревнях, но немцев не обнаружила.

В медсанбате мы застали беспорядок. На столах лежат шесть раненых, а операций почему-то не начинают. Я указал на это хирургам и принял-ся сам оказывать помощь раненому с тяжелым повреждением голени. Как только сделал ему футлярную анестезию, боец почувствовал себя лучше. Не уехал, пока не убедился в том, что хирурги взялись за дело.

Вечером отправились в полки. Туда прибыло 200 человек пополнения — украинцы из освобожденных областей. Рассказывают, что кое-где немцы не успели вывезти хлеб, и он остался. Говорят, что охотно пошли в Крас-

ную Армию. Вечером возвратился к ВПУ. У всех чувствуется напряженность и ожидание наступления.

Подготовка к операции проводилась под большим секретом, помимо очень скудной информации оперативного управления фронта, данные о группировке войск нам приходилось добывать в самих войсках.

Я передал в санупре мой разговор с пачсандивом Ивановым, который весьма неопределенно, но все же информировал меня о возможном направлении удара наших войск через замерзшее сейчас озеро Ильмень.

Между тем в этом направлении мы не выдвинули лечебные учреждения. Надо было уточнить задачу войск, сосредоточившихся южнее Новгорода. С этой целью в санупр был вызван очень толковый ординатор — хирург одного из резервных госпиталей М. М. Воропаев¹, ему была поставлена задача — выехать к генералу Свиклину, командовавшему специальной группой войск, выделенной для действий через озеро Ильмень, и уточнить, нужно ли в направлении его группы выдвигать госпитали.

Воропаев быстро возвратился, доложил задачу войск и необходимость приближения госпиталей, после чего немедленно была дана команда на отправку госпиталя из резерва фронта.

13 января

Утром смотрел госпиталь. Держат здесь тридцать человек почти выздоровевших раненых, плохо лечат и даже не завели на них истории болезни! Я понимаю, что любому нашему госпиталю и медсанбату без команды выздоравливающих не обойтись. Да в этом и ничего дурного нет. Легкораненые лечатся и одновременно помогают госпиталю обслуживать тяжелораненых. Но плохо то, что кое-где легкораненых в командах выздоравливающих не лечат или лечат от случая к случаю. В результате удлиняются сроки лечения и ухудшаются функциональные результаты. Я уже давно взял себе за правило проверять в каждом госпитале команды легкораненых, как их там лечат. Ведущие хирурги, как правило, туда не заглядывают.

Госпиталь, о котором идет речь, развернут рядом с нашим старым 12-м полевым госпиталем; пришли они оба из района 8-й армии, где я оперировал Федюнинского во время прорыва блокады Ленинграда.

Ночью меня вызвал Песис и сообщил, что если завтра будет ясная погода, в восемь часов утра наши начнут наступление на Новгород. Мы поедем в дивизии первого эшелона к семи часам. Он говорит, что немцы о многом пронюхали и весь берег Ильменя заставлен пулеметами и зенитными пушками для встречи нашей обходной колонны.

14 января

Утром выехали. Наступления вроде бы нет, по-видимому, из-за погоды. Пришел капитан Павлов из разведки — мой пациент. Я ему делал ново-

¹ М. М. Воропаев — ныне профессор, хирург.

каиновую блокаду по поводу спонтанной гангрены. Говорит, что вчера начал наступать 2-й Прибалтийский фронт и операция разворачивается успешно. Значит, и мы уже наступаем, а я проспал здесь начало...

15 января

Войска фронта после мощной артиллерийской подготовки, преодолевая сильное сопротивление противника, начали продвижение вперед. Главный удар мы наносим силами 59-й армии в обход Новгорода с севера, а вспомогательный — через озеро Ильмень, по льду, в обход Новгорода с юга. Армии правого крыла фронта сковывают вражеские войска и должны не дать немцам возможность перебросить свои силы к Новгороду и Ленинграду (схема № 7).

Утром поехали с Молчановым вперед на его машине (мой «виллис» сломался) в полевой госпиталь 815. Здесь все оказалось более или менее в порядке. Потом я пошел в 13-й полевой госпиталь. У них за последние месяцы сменилось четыре ведущих хирурга. Сейчас здесь работает Н. И. Кравковский, хороший хирург, кадровый врач из Москвы, до войны он работал в НИСИ. Когда я смотрел госпиталь, поток раненых был еще невелик. В сортировочных операционных и стационаре работа шла неплохо, и я решил задержаться в операционной. Подали мне на стол пострадавшего от бомбежки тылов бойца с множественными ранениями в живот и голову, доставленного непосредственно из части. Я прооперировал его, оказалось ранение тонкого кишечника и внутрибрюшинное ранение мочевого пузыря. Неожиданно выяснилось, что в этом госпитале 2-й линии раненых не гипсуют, потому что пять тонн гипса, которые дали армиям, брак. Послал по этому поводу «приветственное послание» нашему отделу снабжения.

К концу дня стало известно, что наши два батальона южнее Новгорода перешли по льду на ту сторону озера Ильмень.

16 января

Сегодня провел весь день в медсанбатах 466 и 358, а ночью, переправившись через Волхов, у Шевелевской переправы, попал в медсанбат 245, который развернули в совхозе «Красный Ударник», зарывшись в землю. Смотрел также госпиталь 1-й линии 2091. Все они отвыкли воевать. Морковно-капустные дела заели! Разучились быстро разгружать машины с ранеными, быстро и главное без суеты сортировать поступающих, оказывать необходимую помощь. Получается у них точно по поговорке: «Много шума и мало толку».

Наши части, встречая слабое сопротивление противника, наступают на правом фланге и продвинулись на четыре — восемь километров. На левом, переправившись через озеро, мы «оседлали» дорогу на Новгород — Минск, но здесь противник иногда переходит в контратаки.

17 января

Наступление наших войск успешно развивается, в основном на левом фланге в направлении на Новгород.

В 13-м госпитале оперировал сегодня раненого с тяжелым повреждением локтевого сустава. В 815-м госпитале прооперировал раненого со слепым осколочным ранением мягких тканей бедра. Лег поздно, но вскоре меня вызвали: сперва Штыков, а затем Мерецков. Вызвали потому, что Песис болен гриппом, а они хотели получить информацию о работе санитарной службы.

Пришел от них в семь часов утра.

18 января

Поехали с Песисом на фронт. Медсанбаты начинают отставать от войск — уж очень плохи дороги. Переехали Волхов еще в темноте, кругом минированные поля, разрушенные немецкие укрепления, вдоль дороги лежат трупы немцев. Едем в Подберезье, где должен развернуться госпиталь. У дороги много разрушенных домов. Захожу в один из них. В комнате груды книжек, газет. Беру одну — в ней напечатаны новогодние речи Гитлера и Геринга. Дома прочту.

Зашли в медсанбат 466, плохо у них. Я сделал им кое-какие замечания и вызвал туда армейского хирурга. Штаб 14-го стрелкового корпуса расположен в бывшем немецком штабном блиндаже, сооруженном под домом. От немцев здесь остались только кошки и собаки, по-русски они не понимают, разучились, подлые.

В шесть часов утра вернулся к себе.

19 января

Утром прочел в газетах про сепаратные переговоры Англии с Германией о мире. Вот подлецы!..

Поехали с Песисом вперед. Через Волхов переправились у Муравьва. Здесь начинается бывший немецкий передний край, сплошь затапанный колючей проволокой. Вдоль Ленинградского шоссе — немецкие траншеи. Направо и налево дощечки с надписями «Мины». Минеры выкапывают их: они круглые, плоские, как блины. Стоит сожженная машина, в ней обгоревший труп — черный, обуглившийся, с вытянутыми конечностями, похожий на чучело. Все дома в деревне сожжены. Масса трофейных машин.

Едем до Подберезья. Здесь расположился штаб корпуса. Завтра войска этого корпуса пойдут на штурм Новгорода. Рядом со штабом развернут первый эшелон медсанбата 466. Они сделали обычную ошибку. При эшелонировании медсанбатов, в процессе успешного наступления дивизии, первый эшелон следует делать основным, т. е. полностью развертывать здесь операционный блок, противошоковую, сортировочную и эвакуационные палатки, а не наоборот. Наши медицинские учреждения не могут поспеивать за продвигающимися быстро войсками: переправа через

Волхов в отвратительном состоянии и вся дорога от левого берега реки до Ленинградского шоссе (место недавних боев) очень плохо проходима и буквально забита войсками, выручают в этих условиях медсанбаты, которые ухитряются вклиниваться в продвигающиеся колонны своих частей.

Начсанарм с трудом сохраняет возможность руководить своими учреждениями. Сами же МСБ, привыкнув, что на исходном положении их подпирала ППГ, и боясь отстать от своих дивизий, сократили объем хирургической помощи до минимума. Так как Новгород, по нашим расчетам, должен пасть завтра и есть опасность, что там будут отсутствовать медицинские учреждения, мы решили дать команду одному из фронтовых полевых госпиталей сейчас же свернуться и передислоцироваться в район Подберезья, не разгружаясь здесь. Немедленно вслед за взятием Новгорода они передислоцируются в город и развернутся в его предместьях по Ленинградскому шоссе.

Почевать поехали в оперативную группу штаба фронта. Сплошной поток машин с горящими фарами идет нам навстречу. Ленинградское шоссе, недавно взятое нами, напоминает теперь обычную улицу в зимний вечер. По пути заехали в штаб фронта. Здесь Штыков сообщил нам об успехах нашего наступления.

20 января

Прилегли в четыре часа утра, не раздеваясь, а в восемь уже встали и двинулись с Песисом в Новгород. Никто не знает, взят ли он, но по ряду неуловимых признаков мы решаем, что взят. Поровнялись с машинами госпиталя, который должен был развернуться в Новгороде, и увидели, что они стоят на шоссе без движения. Вылезшая из кабины сестра на наш вопрос, взят ли Новгород, принялась моргать глазами и ничего толком сказать не могла. Тогда мы решили ехать вперед вместе с пехотой, тяжелой артиллерией и «катюшами». На обочинах шоссе валяются убитые немцы. Несколько молодых красноармейцев осматривают их. «Небось, часы ищут», — сообщает нам стоящий рядом старичок-красноармеец и добавляет: «Нынче „фриц“ бедный стал, ищешь часы, а одних вшей находишь».

Подъезжаем к городу. Слева по шоссе — большие белые дома. «Вот, где надо развернуть госпиталь», — решаем мы с Песисом. Каменные белые ворота, над ними Красный крест и черными буквами написано «*Militärkrankenhaus*».

Оставили машину и пошли смотреть, нет ли трофейного медицинского имущества. Вижу фирменные медицинские ящики (явно немецкие), и в них уже копаются какие-то люди. На наш вопрос: «Что вы делаете?» отвечают: «Собираем для госпиталя». Оказался ПМП одного из наших полков. Идем в дом, везде нам чудятся мины, но, видимо, у победителей неизменно появляется потребность найти трофей, и мы скоро забываем о минах. Правда, у меня этот инстинкт носит особый характер, и я пре-

ленные предприятия и мобилизовав все на оборону, страна снабдила армию первоклассной боевой техникой, мы получили большое количество самолетов, замечательных танков, орудий и, наконец, уникальных минометов — «катюш».

Вот когда мы начинаем брать реванш у фашистской Германии! Мысли об этом целиком поглотили меня и породили чувство гордости за подвиг советского народа.

22 июня

Наши войска успешно продвигаются вперед, а медсанбаты и госпитали все еще остаются на нашей стороне реки. Раненых переправляют на лодках, баржах — как придется. Понтонный мост наведен, по у берега сгрудились машины, артиллерия, «катюши». Собрались генералы всех родов войск, причем каждый старается протолкнуть вперед свою часть.

23 июня

Утром пробка не уменьшилась. Кое-как проскочили в «виллисе» на тот берег. Весь он опутан колючей проволокой. Финны оборудовали здесь три линии обороны. Трофеев пока никаких, трупов тоже. Едем по финской дощатке, она много лучше нашей. Не мешало бы нам поучиться. Толстые, гладкие доски шиты проволокой. Приехали в Андреевщину в медсанбат 107. Здесь ранило женщину-врача. Мина угодила прямо в операционную. Раненую плохо обработали и я приказал отправить ее в ППГ в Лодейное поле, куда мне предстояло вернуться. В развернутом здесь госпитале 1-й линии уже много раненых. Дело организовано неплохо, но в операционной «затор». Решил им немного помочь. Прооперировал раненного в живот командира полка В. М. Четкина. Кроме того, сделал ампутацию бедра и ушил открытый пневмоторакс.

24 июня

Войска фронта, поддержанные с флангов кораблями Ладожской и Онежской флотилий, за первые два дня форсировали реку Свирь на всем ее протяжении и продвинулись на двадцать — тридцать километров в глубину обороны противника.

Недостаточное количество хирургических госпиталей к началу операции вынудило оперативную группу Санитарного управления фронта превратить терапевтические госпитали в хирургические, придав им группы усиления фронтной ОРМУ и группы, сформированные за счет медицинского состава госпиталей Вологодского РЭП. Потребовалось много усилий, чтобы эти вновь рожденные хирургические госпитали успешно справились с работой, но группы усиления в ходе операции работали отлично.

Оригинальная обстановка сложилась на правом фланге армии. Недостаточное число хирургических полевых госпиталей к началу операции заставило придать к дивизии, наступающей на Петрозаводск, один из ГЛР и возложить на этот госпиталь для легкораненых функции полевого под-

вижного госпиталя. Вообще же, надо сказать, что в продвижении медицинских учреждений вслед за войсками встречались немалые трудности, так как, отходя под натиском наших войск, противник взрывал все мосты и минировал обочины дорог.

25 июня

Утром Санитарное управление передислоцировалось в Лодейное поле. Нам с Молчановым отвели отдельный домик, застеклили в нем окна, вымыли полы.

Был в госпитале, сюда привезли из медсанбата оперированного мною раненного в печень — он жив.

Наши войска совместно с десантом, высаженным Ладожской флотилией в устье Тулфска, взяли г. Олонец.

Говорят, что в Москве за форсирование Свири и успешно развивающееся наступление был дан салют в честь войск Карельского фронта.

26 июня

У нас отбирают один стрелковый корпус, вероятно, для Ленинградского фронта. Мы (Песис, Молчанов, Бердин и я) решили ехать в Олонец. Переправа через Свирь уже наладилась. Едем по отличной дороге, сначала на Свирскую Слободу — здесь стоит старинный монастырь, в котором развернут госпиталь Венгерова. Раненых еще мало, но хирургическая работа уже идет и даже с обычными ошибками. У финнов тут тоже был госпиталь. Место очень красивое. В монастырском дворе свалены груды икон, на стенах великолепные фрески, изображающие ад, где мучаются грешницы и грешники — блудницы подвешены за руки и за ноги, пьяницы горят в огне. Финны развели здесь огороды, парники.

Двигаемся дальше. Масса противотанковых надолб, цементных рвов. Окопы и ходы сообщения обложены сосновыми бревнами, во всем видна большая «плотницкая культура».

По дороге заехали в медсанбат, развернувшийся в финском доме отдыха. Дом построен из сосновых бревен, в комнатах много света и воздуха. Едем дальше, с трудом пробираясь сквозь ряды скопившейся здесь пехоты. Мостики все взорваны, приходится объезжать. Даже телеграфные столбы финны, уходя, подпилили. Олонец представляет собой бесконечно растянувшуюся по обеим сторонам Олонки деревню.

Нашли наш госпиталь, развернувшийся в здании, где раньше размещался финский госпиталь. Здесь целы нары, множество бумажных скатертей на столах, полотенца, занавески тоже бумажные, на полу валяются финские шины из прессованной бумаги для иммобилизации переломов. Сразу видно, что Финляндия — страна дерева и бумаги. Между прочим, мне кажется, что такая вещь, как полотенце из бумаги для одноразового пользования, на войне очень целесообразна.

Раненых в госпитале пока мало. Поехал дальше. В шести километрах от Олонца нас задержали. Здесь позиции пехотного полка, который ведет

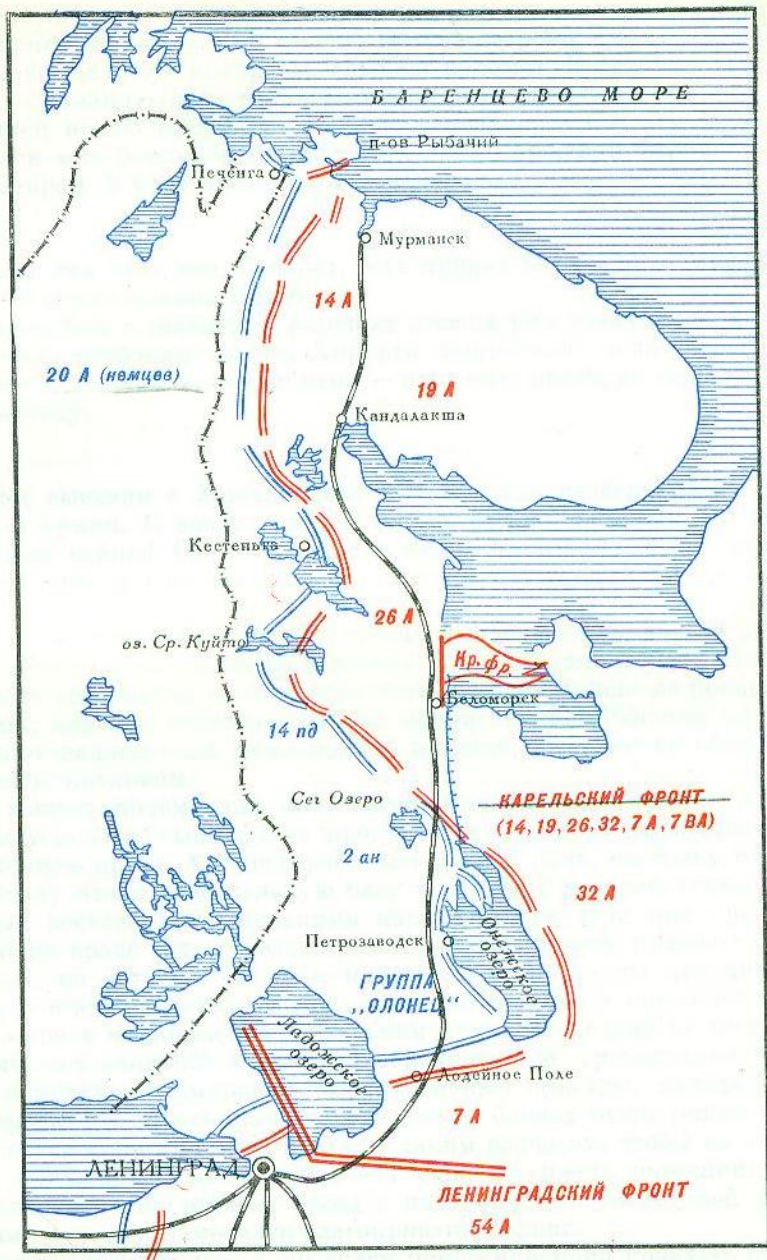

Схема № 8. Положение войск Карельского фронта в марте 1944 г.

бой с финнами, засевшими в лесу. По обе стороны дороги горит лес, где-то вдалеке щелкают выстрелы, слышен пулемет. Встретили генерала Кононова — командующего танковыми войсками фронта.

Поздней ночью двинулись обратно снова через Олонец. В темноте он показался мне бесконечным. Говорят, поэт Державин был в этих местах губернатором. К утру приехали в Лодейное поле.

27 июня

Встал в два часа дня. Говорят, есть приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Витебска.

Вечером был в госпитале, раненых отсюда уже эвакуировали. Лодейное поле стало глубоким тылом. Хирурги попросили меня прооперировать больного с острым аппендицитом — показать местную анестезию по нашему методу.

28 июня

Утром выехали с Молчановым в Пашу, где развернута госпитальная база 7-й армии. В воздухе масса наших самолетов — как это не похоже на начало войны! Едем по дороге, которая недавно была непроезжей, справа Свирь и наш бывший передний край, проезжаем реки Оять и Пашу.

Вот и госпитальная база. То, что мы увидели здесь, нас не порадовало. Такое можно было наблюдать только в первые дни войны. Несмотря на то что на две тысячи семьсот штатных мест поступило не больше трехсот раненых, картина оказалась весьма неприглядной. Раненые не только не получают надлежащей медицинской помощи, но даже не обеспечены регулярным питанием.

На вопрос, почему так получается, начальники госпиталей отвечают, что не успевают выписывать продукты и кухни не справляются с приготовлением пищи. Хирурги работают день и ночь, но толку от этого мало, потому что в госпитальную базу поступают необработанные раненые, которых доставляют маленькими парходиками. При мне пришел такой парходик вроде тех, что ходили по Неве на острова, привез сто двадцать раненых, из которых четверем наложены были жгуты двухдневной давности. Все это свидетельствует о том, что десантная операция на Ладожском озере в медицинском отношении нами обеспечена не была.

Пришлось заняться вопросами сортировки и организации хирургической помощи, сформировать сортировочные бригады, наладить цветную маркировку. В операционно-перевязочных блоках было решено пересмотреть состав хирургических бригад с таким расчетом, чтобы на каждого хирурга приходилось два — три стола и пять — шесть помощников.

После не очень мирных бесед с начальниками госпиталей в вопросах питания раненых наметился благоприятный сдвиг.

К вечеру я очень устал, но врачи попросили меня показать им обработку огнестрельного перелома бедра и резекцию тазобедренного сустава под

местной анестезией и мне пришлось эти операции сделать. Но после осмотра госпиталей у меня было такое мрачное настроение, что даже реплика за спиной, вроде: «Замечательно!», «Подумать только: резекция тазобедренного сустава в тридцать минут и большой молчит», «Ни одной лигатуры и совсем без крови» — нисколько меня не утешили.

Поздно ночью беседовал с одним из начальников госпиталей. Он жалуется на недостаток среднего персонала. Госпиталь пришел из Архангельска — штаты в нем укомплектованы Наркомздравом; среди сестер — двадцать мамаш с детьми, которых они взяли с собой на фронт, чтобы подкормить немного.

Наши войска освободили Могилев. Наступление на Западном фронте продолжается.

29 июня

Утром поехали в Лодейное поле. По дороге посетили инфекционный госпиталь. Начальник его — Капитанаки, сын врача. Мне кажется, что это видно по подходу к делу — он хорошо работает.

Вечером узнал, что войска нашего фронта, освободив Медвежегорск, успешно продвинулись дальше на юг и от Подпорожья на север, совместно с моряками Онежской флотилии разбили Петрозаводскую группировку противника и освободили столицу Карело-Финской республики г. Петрозаводск.

Части 32-й армии соединились с 7-й армией и, таким образом, вся Кировская железная дорога и Беломорско-Балтийский канал на всем его протяжении теперь свободны от финнов. Москва салютовала нам залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

30 июня

В газетах пишут о посещении Риббентропом Финляндии и о намерении финнов продолжать драться с нами, так как немцы обещали им помощь.

Получили противошоковые таблетки, изготовленные нашим начальником медицинского снабжения Неворожкиным по моему рецепту¹. Обдумываю, как пустить их в дело. По-видимому, этими таблетками нужно снабдить ротных санитаров и санинструкторов, чтобы они их выдавали раненым прямо на поле боя. Поручил Берингеру этим заняться. Вечером был в госпитале, сделал поясничную новокаиновую блокаду доктору Зарубиной. Врачи подозревают у нее начинающийся гнойный гонит и анаэробную инфекцию левого бедра. Думаю, что ни того, ни другого нет.

1 июля

С утра поехал вперед. Путь до Олонца стал лучше, так как соорудили много мостиков, значительно уменьшилось количество объездов, но по-

¹ Их состав: пирамидон 0,3; кодеин 0,015; кофеин 0,8; аскорбиновая кислота 0,05 и глюкоза 15,0. Применять эти таблетки можно во всех случаях, кроме ранений в живот.

прежнему очень пыльно. Едем в Видлицу, дорога идет вдоль левого берега реки Олонки. Потом переезжаем реку и едем по правому ее берегу. По пути попадаетесь большой финский склад, рядом — наполовину затопленная баржа с мукой и консервами, вокруг валяется много галет и медицинского имущества. Пока я роюсь в трофейных патентованных средствах, нам приносят на пробу две банки финских консервов. Попробовали, оказалась солонина. Взял для испытания несколько финских картонных шин для верхних и нижних конечностей.

Не доезжая Видлицы, видел в лесу развернувшийся полевой госпиталь. Раненых много — семьсот человек, только что с поля боя, почти все лежат на земле под открытым небом. Сюда прибыл пока только первый эшелон госпиталя, не успели привезти ни палаток, ни электродвижка. А между тем, судя по всему, противник стал оказывать более упорное сопротивление. Остановив шедшие мимо автобусы, приказал погрузить в них раненых.

В первом часу ночи поехали назад в Лодейное поле. По дороге я размышлял о нашей работе и размышления эти были невеселыми.

Медсанбаты и особенно госпитали работали в эту операцию значительно ниже своих возможностей. Плохо была организована эвакуация и в пределах войскового района, и в армейском тылу. Главная причина неудовлетворительной этой работы в том, что санитарная служба 7-й армии не имела опыта, а мы не смогли или не успели их подготовить. У врачей, медицинских сестер и санитаров энтузиазма и преданности делу было сколько угодно, но реализовать все это они не могли.

2 июля

Лег спать утром и спал до двух часов дня. Приехал Е. А. Бок. Говорили о том, как наладить работу фронтовых госпиталей. Вечером вдвоем оперировали больного с кишечной непроходимостью. Больной все время причитал, потом начал молиться. Мы ему говорим: «Да успокойся ты», — а он в ответ: «Я ведь за вас молюсь». Тут уже мы не стали ему мешать. Перевязал доктора Зарубину, после блока она прямо расцвела. Конечно, анаэробной инфекции у нее не было. Начиналась флегмона бедра и новокаиновая блокада ее оборвала.

3 июля

Утром Бок улетел в Тихвин, а мы стали готовиться к переезду в Олонце. Подали рапорт Песису относительно печатания сборника трудов хирургов Карельского фронта. Вечером узнали, что освобожден Минск. Поздно вечером смотрели с Молчановым больного доктора, у него хронический холецистит.

4 июля

Поместились в Олонце в доме, выстроенном финнами. У них здесь помещались фотография и парикмахерская. Комнатки чистенькие, оклеены

пестренкими обоями, окна огромные, много света и воздуха. Надо отдать справедливость, все сделано аккуратно и добротю. Если бы не пыль и не духота, лучшего нечего было бы и желать. Днем пошел купаться в Олонку. Это первый раз купаюсь в реке после перелома руки. Попробовал плавать, ничего, получается.

5 июля

Утром выехали вперед. Пыль, жара, духота. Дорога идет параллельно восточному берегу Ладожского озера, но его не видно. Проезжаем Видлицу, сворачиваем резко влево, едем сосновым лесом прямо к пристани на Ладожском озере, где дислоцированы эвакуационный и два полевых госпиталя. Отсюда идет эвакуация раненых водным путем на Пашу — госпитальную базу фронта. Вышли из машины и пошли к берегу озера — оно похоже на море. Вспоминается мне это озеро в 1941 г., когда ледяная дорога через него была спасением Ленинграда. Как много военных месяцев провел я на его западном берегу. Пока я размышлял об этом, все уселись в машину. Я бросил последний взгляд на озеро и последовал за товарищами. Двинулись дальше. Слева теперь хорошо видно все зеркало воды. Доезжаем до пограничного пункта Кондуши и переезжаем границу 1939 г., по направлению к Сальми.

Домики в здешних хуторах выкрашены в красный цвет, оконные рамы — в белый. Очень красиво. Приезжаем в медсанбат 317. В сортировке застаем шесть раненых. Один из них с неостановленным кровотечением. Иду в операционно-перевязочный блок — там никто не работает. Спрашиваю — почему? «Собираемся передислоцироваться!» — «А раненые?!» — спрашиваю я и через пять минут раненых несут в перевязочную. Выясняется, что еще десять человек нуждаются в хирургической помощи, из них — трое с переломами бедра и совершенно неудовлетворительной иммобилизацией, сделанной в полковых медпунктах. Этих раненых только и делают, что перекладывают с одного попутного порожняка на другой. Случайно узнаю, что начсанарм отдал приказание раненных в живот направлять на операцию в госпитали 2-й линии. Раненных в череп в медсанбатах не оперируют, так сказать «на законных основаниях», легкораненые отправляются «по назначению» в госпитали для легкораненых, раненых с переломами бедер не обрабатывают. Спрашивается, что же они делают?! В основном передислоцируются. Боятся отстать от своих частей, за чем, кстати сказать, ревниво следят дивизионные врачи.

Важнейшая проблема военно-полевой хирургии. Оперировать раненых «на ходу» невозможно. Следовательно, работающее медицинское учреждение должно стоять на месте. Но при успешном развитии наступательных операций войска продвигаются вперед и медсанбаты должны следовать за своими частями, иначе раненые не получают своевременной помощи. Вот и возникает дилемма, которая может быть решена только с помощью госпиталей 1-й линии, выдвигаемых вперед к воюющим дивизиям. Пока медсанбат движется, работает госпиталь и таким образом осу-

шествляется непрерывная подача хирургической помощи и раненые более или менее своевременно попадают на операционный стол. Тысячу раз прав Ефим Иванович Смирнов, всячески подчеркивающий значение этого маневра. Медсанбаты, не поддерживаемые госпиталями 1-й линии в наступлении, занимаются не столько оказанием хирургической помощи, сколько «укупоркой и экспедицией раненых» (по образному выражению Клавелена). В итоге мощные хирургические силы бездействуют, а на госпитали 2-й линии обрушивается лавина хирургически необработанных раненых, с которой они не могут справиться.

Вообще я уже давно убедился в том, что секрет умелого руководства санитарной службой Армии заключается прежде всего в правильном использовании огромных потенциальных возможностей медсанбатов. У плохих начсанармов и армейских хирургов медсанбаты как-то не находят применения. Если противник наступает, а наши войска занимают подвижную оборону, медсанбат уходит в тыл, боясь окружения. Когда же, напротив, наступаем мы, медсанбаты мало работают потому, что преимущественно догоняют свои дивизии. И только в позиционный период войны, при полной стабилизации фронта, создаются настолько благоприятные условия, что даже у плохих начальников медсанбаты работают как хирургические учреждения.

Узнали, что Сальми еще не взят. Слышна непрерывная стрельба, мы в четырех километрах от города. Решили осмотреть госпитали 2-й линии. Два из них битком забиты ранеными — по восемьсот человек в каждом. Никакой хирургической работы в них не ведется. Эвакуация раненых не организована. Госпиталь загружают до отказа, затем, когда приходит другой, в него сразу передают раненых и двигаются вперед. Какая-то совершенно дикая система организации медицинской помощи. Мы с Песисом помогли наладить здесь эвакуацию раненых в тыл, после чего я занялся с хирургами организацией хирургической деятельности.

Анализируя плохую работу врачей, я все больше и больше убеждаюсь в том, что если тот или иной врач не справляется со своими задачами, то здесь во многом виноваты мы, руководители санитарной службы. Недостатки в работе объясняются прежде всего незнанием дела, неумением выполнять работу. Это происходит потому, что мы плохо учим врачей, не создаем им для работы подходящей обстановки, не снабжаем их всем необходимым или же, наконец, по той причине, что мы часто ставим перед ними непосильные задачи. Лишь в самых редких случаях встречаются врачи, действительно неспособные к работе или даже недобросовестные.

Вот почему ругать-то я их ругаю за плохую работу, но сам в глубине души чувствую, что и нашей — медицинских начальников — здесь вины немало.

Ночью узнал, что освобожден Вильшос.

1945

1 января

Все утро читал работу А. К. Шипова о хирургическом лечении ранений сердца и просматривал различные «Хандбухи», в частности по хирургии сердца.

2 января

Сегодня еду в Ленинград. Утром отправился за билетом, но получил его только после того, как сказал, что участвовал в прорыве блокады Ленинграда и т. д., словом, после множества «вспомогательных» слов. Поезд уходил в семь часов вечера. Народу на вокзале было немного, но «стрела» прежняя — чисто, чисто. В купе со мной едет девушка и молодой человек. Он вежлив и предупредителен. Пьют пиво, едят бутерброды, конфеты. Все по-старому. Можно подумать, что войны не было. Я тоже выпил пива, поел и лег спать.

3 января

Ночью проснулся, чтобы посмотреть Малую Вишеру — вокзал, места, где столько было пережито. Поезд идет медленно, не так, как обычно. Подъезжая к Ленинграду, стал глядеть в окно, на Ижорские заводы. Все разрушено, но кое-где горит свет, копошатся люди, видимо, заводы восстанавливаются. В Ленинграде меня встретил Молчанов и Руденко от Штыкова. У Штыкова все хорошо заживает. При мне сделали перевязку.

Вечером с Молчановым были в оперетте.

4 января

Утром сам перевязал Штыкова в госпитале ВИЭМ. Встретились с Мусаэляном. Он расстроен, говорит, что у них предполагается новый директор. Все течет, все изменяется, подул другой ветер, приходят другие люди. Обедали у Чирковского. Было очень приятно снова с ним встретиться. В одиннадцать часов вечера выехали с Молчановым в Петрозаводск.

5 января

Едем медленно, но по расписанию. Грязно, неуютно, чувствуется, что это не «стрела». Гляжу в окно и вспоминаю, как мы все эти места проходили с боями сначала на Волховском, а потом на Карельском фронтах.

Да, обильно полита кровью эта земля. В Петрозаводск прибыли в пять часов вечера. Встретил нас Б. К. Мусин. На завтра назначил осмотр раненых.

6 января

Смотрел раненых. Электрокардиограммы при ранениях в сердце не показывают почти никаких изменений. Делал двустороннюю и одностороннюю ваго-симпатические блокады. Они тоже на электрокардиограммах ничем не проявляются.

7 января

Отбирал раненых для операции.

8 января

Оперировал. Небольшой осколок в стенке левого желудочка сердца. Явно расширил показания; осколка не нашел и вовремя остановился. Думаю, что осколки из стенки сердца надо удалять при условии, если контур их можно вывести на рентгене из мышечной толщцы.

9 января

Сегодня оперировал раненого с осколком в средостении, но он оказался в легком, у самого корня. Этого раненого я оперирую второй раз. В первый раз шел через живот, теперь — через грудную полость, на этот раз осколок удалил.

Идут жестокие бои за Будапешт.

10 января

Утром оперировал. Удалил осколок из левого легкого. На операции присутствовал доктор Исерсон и его зять доктор Баранов. Операция была трудной, но прошла хорошо. Затем у другого раненого извлек небольшой металлический штифт, вбитый каким-то немецким хирургом в костномозговой канал при огнестрельном переломе левого плеча, очевидно, с целью фиксации костных отломков. Раненый — моряк. Пароход, на котором он плыл, потопили немцы, а его подобрали в бессознательном состоянии и лечили в госпитале в Эльвенесе. Удалив штифт, я решил заказать такие же и испробовать их для фиксации отломков при переломах. Этот метод может иметь большое практическое значение.

11 января

Осматривал сортировочный госпиталь. Масса обычных недостатков.

12 января

Весь день ушел на сбор материалов: истории болезни, рентгеновские снимки, электрокардиограммы. Были с Молчановым у секретаря ЦК Карело-Финской республики Куприянова. Говорил с ним о необходимых мероприятиях по борьбе с шоком. Он обещал помочь нам издать сборник работ. Завтра едем в Ленинград.

14 января

Приехали в Ленинград рано утром, еще затемно. Остановились у Молчанова. Вечером был у Л. Н. Федорова и В. В. Чирковского.

15 января

Утром приехал к П. А. Куприянову в бывшую клинику Шаака. Прекрасная клиника! В пять часов вечера «стрелой» выехал в Москву.

16 января

В Москву приехал утром. Был в нашей клинике.

17 января

Сегодня встретился с Грушевым, говорили о работе, он нам много помогает. По-видимому, началось генеральное наступление. Взята Варшава. Мерецков и Штыков ждут приема у Сталина. Неужели нам ничего не поручат? Обидно в такое время сидеть в Ярославле.

Саша с Машей ведут себя хорошо, дисциплинированные. Это целиком заслуга мамы.

18 января

Был у Штыкова. Сделал ему перевязку. Рана почти зажила.

Который уже день передают по несколько приказов о взятии городов и населенных пунктов.

19 января

Приехал Молчанов. Завтра едем в Ярославль. Взят Краков.

20 января

Отправились в Ярославль машиной. Доехали благополучно. Здесь никому ничего неизвестно о нашей судьбе.

21 января

Наступление на западе развивается. По-видимому, немцы совершенно деморализованы и почти не оказывают сопротивления.

Вечером был во вновь организованном генеральском доме отдыха.

22 января

День прошел в отдыхе после дома отдыха. Вечером было опять несколько приказов. Скоро, вероятно, появится берлинское направление.

23 января

Писал доклад о ранениях сердца. Вечером было пять приказов. Все ужасно расстроены — везде наступают, а мы сидим в Ярославле.

24 января

Писал доклад. Вечером слушал приказы. У нас забирают последние два корпуса. Теперь мы без войска. Все гадаем, хуже это или лучше? Но наш Военный Совет в Москве, значит, решения еще нет.

25 января

Пишу доклад, дело идет плохо. Днем гулял: мороз, снег, вообще хорошо, вот только бездельничать очень стыдно.

Сегодня было два приказа Верховного Главнокомандующего. Взяты небольшие пункты, по-видимому, скоро наши войска займутся перегруппировкой. Может быть, тогда и нам найдется место.

26 января

Продолжаю писать доклад. Песис уехал в Ленинград. Вечером слушаем по радио приказы. Томимся, ждем, когда же и кому понадобится наше резервное Санитарное Управление фронта.

27 января

Приехали Мерецков и Штыков. Все горят нетерпением узнать новости. Я бы сам съездил в город узнать, но нас замело в нашей Карабихе, была сильная пурга. Замело так, что мы теперь отрезаны от всего света. А товарищи наци «топают» на Берлин.

29 января

Хозяева уехали провожать два последних корпуса, которые от нас уходят. Новостей никаких нет, все по-старому. Доклад о сердце что-то не пишется, пока отложил его и стал писать об инородных телах в средостении.

Вечером опять слушали приказы.

30 января

Весь день работал — писал. Вечером слушал приказы. Дороги в город еще нет — не расчистили.

31 января

Работу кончил рано утром — часов в пять. Зато до двух дня спал. Потом диктовал машинистке. Получилось как будто неплохо, но надо, чтобы вылежалось.

1 февраля

Пока ничего не проясняется. Очень надоело безделье, особенно сейчас, когда на западе все движется вперед и вперед.

2 февраля

Еще один день прошел в ожидании.

3 февраля

Всю ночь читал. Седьмой раз переделываю свою статью об удалении осколков из средостения.

Достал работу Савиных о трансдиафрагмальном удалении инородных тел из средостения, легких, сердца и лечении гнойно-воспалительных процессов средостения. Не согласен с ним в вопросе о целесообразности удаления инородных тел с локализацией в легких и в сердце доступом

через диафрагму; тем более не согласен с предлагаемой им системой лечения гнойных процессов средостения с применением дренирования через брюшную полость.

За ночь нас занесло снегом, а утром получен приказ: Скрылеву, Яремову, Молчанову, Ниворожкину и мне ехать в город получать медали «За оборону Советского Заполярья». Едва добрались. Вручал медали Мерецков, присутствовал Штыков. Вообще было торжественно.

4 февраля

Оперировал в госпитале раненого с остеомиелитом бедра. Вечером, как всегда, слушали радио.

5 февраля

Все ждем. Неужели мы нигде не нужны?

6 февраля

Все передают приказы, отмечающие наши победы на Западе. Немцы сообщают, что Берлин горит.

7 февраля

Утром сделал аппендэктомию девятилетнему мальчику. Демонстрировал врачам технику местной анестезии. Операция прошла хорошо, мальчик не жаловался. Закончил работу об инородных телах средостения. Вечером узнали, что совещание «большой тройки» где-то в районе Черного моря. Все гадают, где именно. Достигнуто соглашение о том, как покончить с Германией, и штабы уже приступили к разработке планов. Теперь должна решиться и наша судьба: либо мы получим какую-нибудь задачу, либо нас расформируют.

8 февраля

Дни проходят однообразно, новостей никаких нет.

9 февраля

Надо было воспользоваться свободным временем и подвести итоги своей четырехлетней работы на фронтах, но не пишется.

На западе наши войска продолжают победное продвижение.

10 февраля

Собираюсь ехать в Москву. От безделья у нас кое-кто начал ссориться, а некоторые и выпивать лишнее.

11 февраля

Приехал Коржавин и привез работы ФЭП, будем издавать сборник. На Западе нашими войсками форсирован Одер.

12 февраля

Утром с Молчановым выехали на машине в Москву. Приехали в пять часов вечера. Дома все благополучно. Договорился со Смирновым, что завтра он нас примет.

13 февраля

В час поехали в Главсанупр и я впервые изменил своему правилу «на войне ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться». Просил перевести меня на другой, более активный фронт. Е. И. Смирнов обещал. Опять обманет.

14 февраля

Утром был в клинике. День провел с Сашкой, ему уже необходимо мужское общество. Вечером был в одном доме, где познакомился с писателем Всеволодом Вишневским. Мне очень понравилось, как он рассказывал о героях-матросах, защищавших Ленинград. Так и пахло от него «ветрами Балтики». Все заметили возникшую между нами взаимную симпатию, объяснив ее почему-то одинаковой фамилией: и он, и я — Вишневские. Но ведь мы даже не родственники.

15 февраля

Выехал обратно в Ярославль, вернее, в нашу деревню Черелисино под Ярославлем. Здесь все по-старому.

16 февраля

Утром был у командующего, просил отпустить меня на другой фронт, но так ни до чего не договорились.

17 февраля

Весь день работал — редактировал сборник фэповских работ.

18 февраля

Утром ходил на лыжах, потом редактировал сборник.

19 февраля

К вечеру — печальное известие — скончался от раны молодой талантливый генерал Черняховский. Всех интересует, как и где произошло ранение.

Завтра попробую опять взяться за доклад о сердце. Пока ничего не выходит, впору прямо-таки отказаться.

20 февраля

Сегодня стало известно, что Мерецков улетел в Москву, а вслед за ним на поезде выехал Штыков. Все гадают — зачем. Некоторые думают, что на место Черняховского, другие — что за новой задачей. В общем, должно

же это скоро все выяснится, а то в «ожидании» даже мы с Молчановым стали выпивать.

21 февраля

Пишу доклад, идет пока плохо. Все ждем новостей. Ходят слухи, что немцы несколько стабилизировали свою оборону.

22 февраля

С утра все готовятся к завтрашнему празднику — Дню Красной Армии. Мы с Молчановым тоже запаслись съедобным и «горючим». Ездили в Ярославль, так весь день и пропал зря. Все ждут нового, но пока ничего нет. Идут занятия, все читают друг другу плохие лекции — «повышают уровень». Вечером было торжественное заседание.

24 февраля

В двенадцать часов ночи меня разбудили и экстренно в сопровождении Смородинского отправили в Москву по вызову маршала. Все гадали: «Зачем? Куда? Навсегда или нет?» Большинство предполагало, что Мерецков получил назначение, сюда уже не вернется, а поедет прямо на фронт, взяв меня с собой. Поскольку собирались экстренно, машину как следует не подготовили и выехали без запасного баллона. Мороз был жестокий и на полпути после Переяславля лопнула камера. Пришлось ее клеить. Зашли в избу. Женщина лет пятидесяти, худая, с землистым цветом лица — хозяйка, у нее дочь лет девяти и сын лет четырнадцати. Тут же в доме два маленьких ягненка и телочка.

— Когда же, товарищ командир, война кончится?

— Да месяца через три — четыре.

— Долго еще. Да уже надо потерпеть. Вот мой-то мужик пишет, что он скот от них перегоняет к нам. Это правильно, без скотины плохо. Мужик-то пишет, что у кого из немцев две или больше коров, одну оставляют, а остальных отбирают. Всех-то ведь нельзя, а то потом самим же их кормить придется. Вот у нас тут пленные работают, так рассказывают, что они скоро уже семь годов воюют.

Я молчал и думал: сколько в русском народе великодушия и справедливости. — «Садитесь с нами, покушайте картошки», — предложила хозяйка. Я поблагодарил и, так как к этому времени шофер уже починил камеру, мы распрощались и ушли. Машина наша, точно отдохнув, весело побежала вперед.

Приехав в Москву, узнал, что отец встретился с Мерецковым и рассказал ему о своих новых работах. Вот Мерецков и решил вызвать меня, чтобы с моей помощью основательнее познакомиться с этими исследованиями. Поговорили об этом с отцом. Вечером был у Здродовского, он полон энергии. У нас дома остановился Л. Н. Федоров, он назначен директором Института экспериментальной медицины в Ленинграде.

25 февраля

Утром говорил по телефону с Мерецковым. Был у Е. И. Смирнова и Ходоркова. Они предполагают, что нас отправят на Восток. Завтра решил возвращаться обратно. Машенька лежит, хворает гриппом. Саша выглядит прекрасно. Жена похудела: в общем ей много пришлось пережить трудностей за последние годы, но, кажется, уже конец близок.

26 февраля

Утром выехал. По дороге снова клеили камеру и я ужасно замерз. Когда приехали, на меня просто напали: «Что нового?» А нового — ничего. Все ужасно разочарованы.

27 февраля

Начал писать, но дело идет плохо.

28 февраля

Все ждут приезда командующего, надеются, что с его возвращением изменится обстановка. Все уверены, что поедем на Восток, а я надеюсь, что на Запад.

1 марта

Решил сейчас работу о ранениях сердца отложить и закончить уже начатую статью об инородных телах в легких.

2 марта

День провел у редактора нашей фронтовой газеты полковника Павлова. Он подарил мне книжку «Свирская победа». Павлов и его жена — очень милые люди.

3 марта

Приехал из Москвы Песис.

4 марта

Никто ничего не говорит, но по отдельным признакам и приготовлениям можно кое о чем догадаться. Куда только?

Рокоссовский сегодня опять прорвал немецкую оборону.

5 марта

Госпиталиям дана команда подготовиться к передислокации, но приказано не брать с собой никакого твердого имущества — кровати, тумбочек и др. Некоторые видят в этом доказательство тому, что мы едем не на Восток. Но куда? Одни думают, что в Югославию, другие, что Жуков передаст нам часть своих войск на центральном участке фронта. Вообще же никто ничего не знает и каждый фантазирует от безделья, как может.

Погода стоит прекрасная, ходил на охоту за зайцами, но ничего не видел и не сделал ни одного выстрела.

6 марта

Опять возникли слухи, что едем на Восток.

Жуков и Рокоссовский сделали немцам еще один котел под Данцигом.

Может быть, мы и не понадобится. Вечером по радио сообщили, что Джанелидзе присуждено звание «Героя Социалистического Труда».

7 марта

Все идет по-старому, без перемен. Говорят, что командующий останется в Москве до 20 марта.

8 марта

Начали готовиться к сбору врачей. Мне тоже поручили прочитать две — три лекции. Приезжал начальник Ярославского МЭП Новицкий со своим хирургом — инспектором Тартаковским, просили меня прочесть их врачам лекции по нервной трофике.

9 марта

На Западе наши наступают. Сидение в Ярославле стало совсем мучительным. Все говорят о Востоке.

10 марта

Не пишется.

11 марта

Весь день отдыхал. Настроение отвратительное. Не оперирую и вообще ничего не делаю.

12 марта

Начались сборы врачей. Первая лекция у меня 14-го.

13 марта

Днем ходил на лыжах. Вечером готовился к лекции.

14 марта

Читал на сборе наших врачей лекцию о нервной трофике в хирургии, в основном о наших работах с новокаиновой блокадой и лечении гнойно-воспалительных процессов. Развернулся широко, увлекся и вдруг увидел, что в первом ряду какой-то врач сладко спит. Настроение сразу испортилось, скомкал конец лекции и сделал большую ошибку, так как, по отзывам судя, многие слушали с интересом.

15 марта

Пишу статью о слепых ранениях легкого, но дело идет туго. Без практической хирургии мне просто скучно жить.

16 марта

На Западе все двигается, а мы сидим. И «призрак» Востока все еще маячит перед нами. Вечером готовился к завтрашней лекции.

17 марта

Читал о местной анестезии по способу ползучего инфильтрата. Лекция прошла лучше предыдущей, даже хлопали.

18 марта

Посидели вечером с А. В. Скрылевым, немного выпили и повздыхали.

19 марта

Читал последнюю лекцию. Надо бы прочесть две, но я скомкал в одну. Жаль, потому что сбор вообще проходит хорошо, врачей много и все наши лекторы читали хорошо, а Скрылев и Песис просто блестяще.

20 марта

Весь день ушел на подготовку к поездке в Москву. Досужие сплетники болтают, что мы едем в Югославию. В конце концов куда угодно, только бы на работу. Маршал и Штыков все еще в Москве. Может быть, завтра увижу их и что-нибудь узнаю.

21 марта

Утром машиной выехал в Москву. Путь от Ярославля стал знакомым и поэтому кажется короче. Дома все благополучно. Дети здоровы. Отец выглядит хорошо, рассказывает, что был у Митерева, тот обещал средства на ремонт клиники.

22 марта

Утром был в клинике. С Академией медицинских наук еще не ясно, что и как будет. Сейчас опубликовано постановление о выдаче докторских и профессорских дипломов. Я сдал Пшеничникову все свои бумаги, необходимые для их получения. Вечером пошел в ГВСУ. Смирнов болен гриппом и не выходит. Был у Ходоркова, он ничего не знает о дальнейшей нашей судьбе, думает, что Восток.

Вечером был у Штыкова, они с Мерецковым, по-видимому, собираются к Сталину. Велел мне зайти завтра до отъезда.

23 марта

Утром отправились обратно в Ярославль. По пути заехал в вагон к Штыкову. Он сидит довольный, собирает чемоданы, говорит, что скоро поедем.

— Куда?

— Тебе знать не положено.

— Утешил!

Доехали на этот раз без приключений. Снег начал таять, наступают весна. Что-то она нам принесет?

24 марта

Началось некоторое оживление. Тайно готовят эшелоны, но все об этом знают. Куда мы едем — неизвестно. Судя по тому, что велют трогаться без машин, «налегке», думаю, что на Запад.

25 марта

Стоя с Песисом у карты, мы решили, что 4-й Украинский фронт объединится с 3-м Украинским фронтом, а нас назовут 4-м и поставят южнее Толбухина.

26 марта

Утром позвал меня Песис и сказал, что много шансов за то, что мы поедем на Восток.

27 марта

Весна. Тает снег. Прилетели грачи. Встретил сегодня секретаря Военного Совета Зотова. Он тоже ничего не знает. Однако говорит, что командирующему в Москву отправили продукты дней на пять и мотор для его машины. Все говорит о мирных настроениях. Вечером играли с Песисом на бильярде.

Утром узнал, что приехали Мерецков и Штыков. Все всполошились, чувствуют, что вот-вот двинемся. На Восток или на Запад? Приехал Песис и «под страшным секретом» сообщил, что готовится поезд, в котором поедет весь Военный Совет, все генералы, Скрылев, Молчанов и я. Кроме того, в этот поезд по распоряжению командирующего будет взято десять хирургов и пять хирургических сестер. Причем никто не должен заблаговременно знать, что он едет, а когда это объявят, то сразу же посадят всех в поезд и повезут.

Командующий, между прочим, собирая генералов, сказал, что едет не под своей фамилией: «А куда мы едем — узнавать не пытайтесь. Кроме меня и начальника штаба генерала Крутикова, никто об этом не знает». Мы с Песисом стараемся понять, зачем берут хирургов, это как будто бы говорит за маршрут на Запад, но, с другой стороны, есть основания думать, что — на Восток. Одно хорошо, что начнем двигаться.

28 марта

Сборы идут полным ходом. Вечером узнал, что едем на Восток — в Хабаровск.

30 марта

Весь день прошел в ожидании. Был в АХО, узнал, что продукты в поезд еще грузятся и погрузка эта закончится утром следующего дня. Следовательно, поедом не раньше чем вечером 31 марта.

31 марта

Войска Рокоссовского взяли Данциг. По радио слушали Указ о награждении Жукова, Конева, Рокоссовского орденами «Победы». Союзники тоже продвигаются успешно. Видимо, скоро конец войны. В восемь часов вечера получили приказ собираться и ехать на погрузку. Я приехал в своей машине. Снег тает, вокруг вода. «Прощай, имение Некрасова». Вспоминаю о том времени, около года назад, мы также двинулись из-под взятого нами Новгорода в Малую Вишеру, направляясь на Карельский фронт. Тоже была неизвестность.

В девять часов приехали на санитарную рампу. Здесь нашли наш поезд. Масса машин, полно народа, темь кромешная. Видимо, хотят получше засекретить наш отъезд. Не без труда нашел свое место. Едем в мягком вагоне — в купе: Песис, Скрылев, Ковалев и я. В вагоне почти одни генералы. Никто не знает, куда нас везут. Когда тронемся, узнаем по крайней мере в какую сторону. Если на Дальний Восток, то поезд через Данилов, Буй, Киров. Если же поезд пойдет в Москву, это лучше, но тоже еще не значит, что едем на Запад. Могут и из Москвы повернуть на Горький и дальше опять-таки на Восток.

1 апреля

Ночью в 00—30 поезд тронулся и все кинулись к окнам вагона. Едем в Москву! У многих вырвался облегченный вздох.

Через некоторое время командующий вызвал к себе некоторых из нас. Он и Штыков — в штатском. Всем генералам приказано заменить погоны и надеть капитанские, майорские, полковничьи. Тут же их роздали. Маршал Мерецков отныне становится генерал-полковником Максимовым, член Военного Совета Штыков — генерал-полковником Шориным. Начальник штаба — генерал-лейтенант Крутиков — полковником Киселевым. Нас предупредили, что писать письма с дороги нельзя.

У всех несколько приподнятое настроение. Тайнственность, в которую облечено наше путешествие, нервнрует всех. Я лег спать довольно поздно, вспомнив перед этим, что сегодня первое апреля и что в этот день принято обманывать.

В коридоре еще долго шептались между собой, доказывая друг другу, что едем на юг: в Киев, Югославию или Болгарию.

У меня возникло искушение сказать спорящим: «С первым апреля, товарищи генералы!». Утром поднялся позднее других. Все стоят у окон, стараясь определить, по какой дороге едем. Вскоре выяснилось, что едем по окружной Московской дороге.

Солнце, снега нет. Вдруг кто-то вскрикнул: «Киевская!» Песик просял. По надписям на вагонах встречных поездов пытаемся отгадать направление нашего поезда. Но вот оно начало уточняться. Мы на Горьковской линии Московско-Курской дороги. Оптимисты утверждают, что есть надежда и отсюда попасть на Курск. Но увы! Проехали станцию Ретутово, а затем Обираловку, которая окончательно отобрала у нас последние наши надежды. У всех вырвался вздох разочарования.

Утренний завтрак все начали с водки. День прошел незаметно. Вечером делились воспоминаниями, так как многие бывали на Дальнем Востоке. Впереди долгий путь. Генералы переоделись и сразу как-то проще стало наступать им на ноги и не уступать очередь.

Вот что значит погоны и лампасы!

2 апреля

Проехали Горький.

3 апреля

Проехали Каму, Пермь. Теперь наш поезд включили в график. Он именуется поездом дальнего следования № 6. На больших станциях выходить воспрещено. Постепенно становлюсь завзятым дальневосточником. Ночью научился играть в «очко» — «умная» игра!

А с Запада до нас доносится музыка победы. Кто знает, может быть, когда мы приедем на место, война закончится?

4 апреля

Проехали Свердловск. Перевели часы на два часа вперед. Кто-то увидел столб, стоящий на границе Европы и Азии. Был у Шорина; он подарил мне книгу Степанова «Порт-Артур».

5 апреля

Проехали Омск. Погода хорошая. Кругом степь. Перевели часы еще на один час вперед. Постепенно начинаю свыкаться с мыслью, что жизнь пойдет «несколько иначе», чем намечал. Все чаще думаю о том, как использовать «поворот» для других и для себя. Генералы тоже стали себя держать иначе. Все очень обрадовались, увидев, что в нашем направлении идут эшелоны с войсками. На вагонах надписи: «Вперед, на Запад!» Их еще не успели стереть, а жизнь повернула на Восток. Пришел эшелон с самолетами. Стало веселее. Значит, не зря едем. И одновременно эшелоны с оборудованием идут на запад. Вот, где тыл нашей Родины, страны могучей и способной воевать на два фронта. Этого немцы не понимали, начав с нами войну.

Сводка Информбюро сообщает, что наши войска в десяти километрах от Вены. Союзники тоже успешно продвигаются. Скоро конец войны. Вечером по радио узнал о денонсировании нашим правительством пакта о нейтралитете с Японией. Все обсуждают возможные последствия этого решения.

6 апреля

Утром проехали Новосибирск. Я проспал. В вагоне только и разговоров о денонсировании пакта с Японией. Большинство думает, что Япония пойдет на любые уступки, только бы не воевать. Обсудив вдвоем со Скрылевым всю ситуацию, мы пришли к выводу, что пока сейчас ничего не скажешь... Проехали станцию Тайга.

7 апреля

Проехали Красноярск. Стало заметно теплее, солнце светит как-то особенно ярко. Все заметно устали. Пыль, грязь, тряска. На станциях генерал-полковник Максимов гуляет по перрону в штатском. На завтрак и ужин вместо опротивевшей семги, которой нас кормили все время, стали давать американский сухой паек. Мне он понравился. По крайней мере, ешь все чистое, но для русского солдата он не совсем подходит, нет хлеба, мало по объему. Любопытно, что эти коробочки проделали почти кругосветное путешествие. Из Америки через Атлантический океан их привезли в Мурманск а оттуда мы их везем во Владивосток.

Ехать скучно, многие играют в карты. Я читаю «Порт-Артур». Хотелось бы там побывать. Шорин организовал у себя в вагоне лекции для генералов и полковников. Сегодня читали о радиолокации.

8 апреля

Проехали Иркутск. Едем по берегу Байкала. Озеро покрыто льдом. Вид у него совершенно иной, чем летом 1939 г., когда я ехал на Халхин-Гол. Читаю «Порт-Артур». Да, теперь все иначе. У меня даже настроение улучшилось.

Утром разговаривал с Максимовым. Настроение у него хорошее. В Японии новый кабинет, но какой, пока еще не ясно. Из крупных «новостей» такая: вечером начались роды у одной из едущих с нами машинисток. Выгузили ее в Улан-Удэ.

9 апреля

Проехали Читу. Здесь в 1939 г. началась моя боевая жизнь.

10 апреля

Взят Кенигсберг, а мы все едем на Восток. Пыль, грязь. В общем все устали.

11 апреля

Духота, грязь, все друг другу надоели. Завтра — Хабаровск. Вечером предупредили, чтобы никто не выходил из вагонов и чтобы особенно внимательно следили, не подсядет ли к нам кто.

12 апреля

Утром приехали в Хабаровск. Белый вокзал в старинном русском стиле. Перрон пуст, кроме милиции и двух встречающих генералов, никого нет. Мы все с любопытством смотрим в окна. Вскоре приехал генерал армии Пуркаев и с группой военных прошел к Максиму. Наш поезд поставили на запасный путь. Максимов в штатском пальто и черной каракулевой шапке с Пуркаевым и несколькими генералами куда-то уехали. Мы остались ждать. Стало совсем скучно. Переходить из вагона в вагон и выходить на перрон воспрещено. В полдень к вагонам подошли автобусы и нас повезли в городскую баню, которую специально для нас освободили. Все наши генералы выглядели довольно причудливо. На генеральских шинелях, обшитых красным кантом, с генеральскими пуговицами и петлицами, красуются майорские и капитанские погоны. Любопытно, что встречающиеся по пути военные не замечали «маскировки» или по крайней мере не показывали этого.

Вечером узнали, что получаем Приморский участок фронта.

13 апреля

Сегодня до четырех часов дня продолжали стоять в Хабаровске. Максимов с Шориным несколько раз куда-то ездили. Очевидно, знакомились с обстановкой. Мы же слонялись по вагону от одного окна к другому. Наконец, тронулись. На юг, в Приморье.

Сообщение о смерти Рузвельта. Все жалеют, выражают беспокойство за будущую политику Америки.

14 апреля

Взята Вена, а мы приехали в Ворошилов-Уссурийский. Здесь конец нашего путешествия. Поезд встал на вокзале.

Стало известно, что полевое управление Карельского фронта после пребывания в резерве Ставки должно принять под свое командование Приморскую группу войск, обороняющую государственную границу с Маньчжурией.

Через несколько минут нас увезли на запасный путь. Перед нами привокзальная часть города, состоящая преимущественно из маленьких одноэтажных домов; много украинских мазанок. Сильный ветер. Песок. Пыль. Жить пока будем в вагонах. Песок вызвал начсанарма 25 полковника Трофимова. Выясняется, что санитарная служба здесь полностью не отобилизована. На протяжении четырех лет Великой Отечественной войны с Дальнего Востока на западные фронты отправлялись медицинские кадры и имущество.

Предстоит большая работа по формированию госпиталей и получению их дополнительно из центра.

Вообще воевать никто не думает. Вечером пошел в вагон к врачам-хирургам, которых мы везем с собой. Все славные, большинство ленинградцы — Каламкарров с женой, Блохина, Кравцов, Иоффе, Птохов, Лесков и др.

18 июля

С утра смотрел своих оперированных больных. Пока все благополучно. Ездил с Молчановым в воздушную армию. У них сбор врачей и я сделал доклад о травматическом шоке. Приехал Стукей. Он уже забыл о своем ранении, был хирургом партизанского отряда.

20 июля

Поехали с Молчановым во Владивосток. Скрылев установил, что там неблагополучно со станцией переливания крови. Она действительно в ужасном состоянии — на краю города в маленьком деревянном бараке, тесном, грязном, неблагоустроенном. Донорам не выдают то, что им положено. Машин нет. Топлива нет. Начальник станции доктор Карпеев, наш казалец, очень милый человек. На его рабочем столе книги с многочисленными закладками, по-видимому, много читает, но организатор он, видимо, слабый. Распрощавшись с Карпеевым, мы отправились в городскую больницу, поговорили оттуда по телефону с Завкрайздравотделом Вороновым о состоянии станции и поехали на 2-ю Речку, в госпиталь Желиховцева. Ночевали в Океанском санатории.

21 июля

Вернулись в Ворошилов. Смотрел оперированных больных, все чувствуют себя хорошо.

22 июля

Делал нефрэктомия по поводу опухоли почки, ассистировал Стукей. Операция прошла благополучно.

23 июля

Утром вместе с Песисом поехали в 4-ю и 5-ю армии. В 4-й армии посмотрел ППГ 630 (начальник Гутман, ведущий хирург Радченков). Госпиталь производит хорошее впечатление, но, судя по всему, только в мирное время. Боюсь, что при большом наплыве раненых у них все будет далеко не так благополучно. Смотрели еще два МСБ — 62 и 39 СД — ведущий хирург Хмельницкий и МСБ 24, 22 СД — ведущий хирург Анохин. Общее впечатление хорошее. Начсанарм полковник медицинской службы Амзаев производит впечатление хорошего администратора, но, пожалуй, несколько самонадеян. Ночевать поехал в Санитарный отдел 4-й армии. Условия работы здесь крайне сложны, так как путь для эвакуации очень растянут и труден.

24 июля

Поехали в 5-ю армию вместе с начсанармом полковником Рудаковым и армейским хирургом Бочаровым. Здесь придется кое-что переделывать, так как они на западных фронтах никогда не имели своей госпитальной

базы и руководили в основном только работой МСБ и ППГ. Условия работы у них будут легче, так как они ближе к железной дороге, да и опыт у них больше.

25 июля

Вернулись в Ворошилов. По дороге встретили артиллерию. На стволах орудий надпись — «На Берлин». Погода плохая — дождь. Очень устал.

26 июля

Поехал в Океанскую отдохнуть на три дня. Купался в море.

27 июля

Утром экстренно вызвали во Владивосток к заведующему Крайздравотделом Воронову. Там оказался Песис. Ставится вопрос о немедленной организации Станции переливания крови, которая могла бы давать 200 л крови ежедневно. Нет доноров, здания, оборудования, кадров. Необходимо произвести миллионные денежные затраты, чтобы перевести работу станции на военные рельсы. Поехали в Крайисполком, но там не пожелали сами решать вопрос. После этого все вместе отправились к секретарю Крайкома Пегову. Он произвел на меня хорошее впечатление и внешним своим видом и тем, что быстро и оперативно решил наш вопрос. Закончив это дело, вернулся в Ворошилов и доложил обо всем Военному Совету.

28 — 29 июля

Опять выехал в 5-ю армию на хирургическую конференцию. Программа составлена неудачно. Тридцать докладов охватывают почти всю военнопольевую хирургию войскового и армейского районов. Из докладов надо отметить два: доктора Такменовой, отметившей, что у раненых, доставленных из ПМП со жгутами, часто наблюдается шок, и доктора Симониана, утверждавшего, что при ранениях шеи наблюдается особый вид травматического шока. Последнее надо проверить. Девушка-патологоанатом сделала очень интересный доклад, посвященный анализу летальности. Доктор Литвиненко сделал доклад об обезболивании. По-видимому, он хороший хирург, но руководители его совсем дезориентировали. Заслуживает внимания также доклад доктора Котляревского об огнестрельных переломах голени, сопровождающихся ранением магистральных сосудов. Он рекомендует делать два типичных разреза для перевязки сосудов и обработки раны.

Конференция продолжалась два дня, присутствовал на ней весь Военный Совет армии. Командующий, генерал-полковник Крылов, произвел на меня особенно хорошее впечатление.

30 июля

Отдыхал в Ворошилове. Все ждут решений «большой тройки» в Берлине.

31 июля

Главный патологоанатом фронта подполковник медицинской службы Ариель во время вскрытия наколол палец. К вечеру ему стало плохо — температура 41°. Я в это время был во Владивостоке и меня экстренно вызвали в Ворошилов. До моего приезда больному сделали блокаду, зачем-то разрежали палец, наложили сухую повязку, ввели пенициллин и не давали пить. Приехав, я отменил пенициллин, сделал футлярную блокаду на предплечье, наложил на всю руку мазь в виде согревающего компресса и сказал, чтобы лечили по нашему способу. В прошлом мы уже имели шесть подобных случаев и хорошо с ними справились.

1 августа

Утром оперировал больного с параректальным свищом. Вечером меня вызвал командующий и спросил о готовности: сколько в какой армии коек и пр. В заключение сказал, что завтра вечером объявят, когда нужно будет иметь в готовности консервированную кровь. Все становится ясным.

2 августа

Поехал в Океанскую, там совещание рентгенологов. Выступил на нем, потом с наслаждением выкупался в море. Сегодня первый день без дождя.

3 августа

Поехал в Манзовку. Здесь расположен госпиталь. Ведущий хирург В. Н. Егоров, очень знающий, сильный. Сосредоточили в этом госпитале больных бери-бери и ведем вместе с Молчановым наблюдение над ним.

5 августа

Всю ночь ехали обратно в Ворошилов. Сломалась наша машина и мы, пересев на попутную «санитарку», только к утру добрались до дома. Есть новость: мы уже не Приморская группа войск, а 1-й Дальневосточный фронт. У нас четыре армии: 35 А, 1 кр. А, 5 А и 25 А, не считая одной воздушной армии. Ширина фронта семьсот километров. Задача — разбить Квантунскую армию японцев и освободить от них Маньчжурию и Корею (см. схему № 11).

День очень жаркий, парит, все ходят мокрые от пота. Мои больные чувствуют себя хорошо.

6 августа

Ждем начала военных событий. Все ужасно напряжено. К нам ежедневно прибывают новые госпитали, приезжают врачи, с которыми я встречался раньше на других фронтах.

Оперировал больного с эхинококком печени. Приехал Дыхно, я посоветовал ему взять своих детей из Седанки, где они отдыхают.

7—8 августа

Парит ужасно. Говорят, что наши разведывательные самолеты летали до Харбина. Японцев не видно. С утра поехал посмотреть госпитали ВЭП в Ворошилове, прибывшие с Запада. Среди них — два нейрохирургических. Они производят хорошее впечатление — персонал опытен и не боится работы. Я познакомил их с нашими установками. Многие из врачей бывали у нас, например Коваленко, Решетников. Один из прибывших госпиталей (ЭГ 2549) специализирован по ранениям длинных трубчатых костей и суставов. Ведущий хирург — Терновский. Послал им свою книгу. Все начальники госпиталей производят хорошее впечатление. Порекомендовал тему врачу Воронковой по новокаино-пенициллиновой блокаде при гнойной инфекции. Назначили Матвеева хирургом-инспектором ВЭП.

Вечером меня вызвал Песис: в автомобильную аварию попал генерал Дегтярев и лежит в ГЛР 277 — в Богуславке. Поехал туда.

В ночь на 9-е в два часа ночи — начало наступления. Мы должны переехать в Жариково.

9 августа

В ночь с 8 на 9 августа 1945 г., при сильной грозе и полнейшей темноте, без артиллерийской подготовки, войска 1-го Дальневосточного фронта уничтожили передовые части японцев, охранявшие границу, перешли ее, с боями преодолев всю глубину оборонительной полосы, начали продвижение по территории Маньчжурии.

Главный удар войска фронта наносили на участке Гродеково — Сопка в общем направлении на Муданьцзян — Харбин (см. схему № 11).

Ночевал в госпитале. Заехал к маршалу. Кстати сказать, со вчерашнего дня Максимов опять стал маршалом Мерецковым, а Шорин — Штыковым и т. д. Мерецков говорит, что наши войска продвигаются хорошо и что одновременно с нами начал наступление Малиновский (Забайкальский фронт). Общая задача — уничтожить Квантунскую армию противника в Маньчжурии. Сообщил маршалу о случившемся с Дегтяревым. Поехал вперед. В МСВ встретил Бочарова, дальше поехали с ним вместе. Были в медсанбатах, раненых мало, врачи работают хорошо. Были в трех полковых медицинских пунктах. Там все в порядке.

10 августа

Переночевал в ППГ и утром поехал в Жариков. Пыль ужасная. Встретил Песиса. Он сообщил, что взята Пограничная, и предложил съездить с ним вместе туда, посмотреть жилой фонд и решить, нельзя ли там развернуть госпитальную базу. Я согласился. Дорога плохая, пробки, ехать трудно. Когда пересекали государственную границу, с сопок нас обстреливали японцы. Моя машина сломалась, разбит радиатор. Ночью добрались до Пограничной. Здесь кругом стреляют. Решили вернуться назад, найти какую-нибудь часть и там переночевать. Так и сделали.

1946

1 января

Новый год встретили в Ворошилове в большой веселой компании. Внешне все было непринужденно и просто, но я то видел, что всем до смерти хочется узнать, не уезжает ли кто-нибудь «домой» и когда... Мне было легче, чем другим, потому что я и не думал скрывать, что командующий разрешил мне и Молчанову ехать в Москву.

Неожиданно обнаружил, что все реже берусь за дневник. В чем тут дело? Свободного времени стало больше, а записывать почти перестал. Видимо, пропала внутренняя необходимость в этом занятии, необходимость, которая все эти годы побуждала меня каждый вечер записывать события дня. Во время войны все было значительным — всякая мелочь многое объясняла. Теперь жизненные подробности перестали быть подробностями больших событий. Вот и перестал записывать.

9 января

На четырнадцатое января намечен отъезд.

В последнем номере «Медработника» напечатана рецензия по поводу очерка Поповского о А. В. Вишневском.

14 января

После бесконечных сборов сели в поезд, который должен был вести нас в Москву. Несмотря на радость возвращения, я не без грусти простился со всеми, с кем так много пришлось пережить тяжелых и радостных дней. Вот когда и где для меня кончалась война!

Поезд наш состоит из теплушек, сплошь набитых демобилизованными врачами и сестрами. Большую часть эшелона образует идущий на расформирование Военно-санитарный поезд 1170. Меня устроили в штабном вагоне, отведя отдельное купе. В этом же вагоне едет Н. С. Молчанов и профессор Гольман — оба с женами. Я взял с собой Жукова — раненого, которому удалил пулю из сердца.

И вот началась длинная бесконечная дорога. Мы буквально считаем часы, а дни текут медленно, словно годы. Через снежные заносы проехали Улан-Удэ. Медленно проезжаем Байкал, Иркутск, началась Сибирь. Читать нечего: газеты получаем с большим опозданием: читаем о Нюрнбергском процессе. Мысли все чаще и чаще сосредоточиваются на том, где и как предстоит работать после возвращения в Москву.

28 января

Только через две недели доехали до Новосибирска. Сильные морозы, окна замерзли, пути не видно, время тянется мучительно медленно.

12 февраля

Прошло еще две долгих недели, пока 11 февраля, т. е. почти через месяц после отъезда из Ворошилова, мы прибыли в Москву. Дома все благополучно.

Сегодня меня принял Е. И. Смирнов и сказал, что после небольшого отдыха мне предстоит командировка в Берлин. И тем не менее свой дневник я на этом заканчиваю. Впечатления же о разбитой нацистской империи пусть будут его завершением.

9 января

14 января

22 января

ГЕРМАНИЯ

Главное медицинское управление Советской Армии командировало меня в Австрию и Германию для ознакомления с работой хирургических клиник¹.

Поездка эта очень интересна. Она как бы завершит всю мою фронтовую деятельность. Война доказала всему миру неоспоримое превосходство нашей военной доктрины над немецкой. Другое дело — военная медицина. Наше профессиональное преимущество перед немецкими врачами еще никем по-настоящему не раскрыто.

Разумеется, я не ставил себе этой задачи. Но увидеть воочию работу немецких хирургов и сравнить ее с нашей было бы весьма любопытно.

В Вену я прилетел 22 февраля 1946 г. Город совершенно цел, за исключением очень небольшого числа разрушенных авиабомбами союзников зданий. Большое впечатление производят памятник Красной Армии, Университет, его двор с мраморными бюстами профессоров и среди них бюст великого хирурга Бильрота. На первый взгляд жизнь города не нарушена: магазины открыты, работают театры — опера, Айсревю, на улицах полно народа, многие оживлены, смеются, а ведь, наверное, среди них есть родственники убитых солдат альпийских дивизий, могилы которых мы еще так недавно видели в Печенге. И умирать туда послал их Гитлер... Задумаются ли те, кто сейчас смеется, о том, для чего все это было нужно?

От наших военных врачей я узнал, что среди австрийских хирургов наибольшего внимания заслуживают четыре профессора: Финстерер, Беллер, Шенбауэр и Денк. Имена их были мне известны и до войны. Знакомство с ними я решил начать с Финстерера.

Утром 24 февраля поехал к нему в клинику — операции в этот день уже кончились. Подарил ему книгу отца «Местное обезболивание по методу ползучего инфильтрата». Он пригласил меня вместе с ним сделать обход. Финстерер — маленький, очень быстрый старичок, лицом немного похожий на Сергея Петровича Федорова. Решил провести в его клинике несколько дней.

На следующий день видел, как он делает резекцию желудка, затем он удалил желчный пузырь, соперировал вентральную грыжу, сделав при этом большую резекцию тонких кишок, потом пошел в другую операци-

¹ Одновременно со мной был командирован также профессор Жордания, недавно погибший при авиационной катастрофе. Это был крупный ученый и чудесный человек, с которым мы очень сдружились.

одну делать еще одну резекцию желудка. Неутомимый старик! Первые две операции он сделал под спланхниковой анестезией, последнюю — под инфльтрационной. Техника хорошая, чувствуется большой опыт. Оперирует для больного, а не для публики. Операция проходит немного грязновато, может быть, потому, что не хватает марли.

В последующие дни я видел у Финстерера довольно много операций — резекцию толстого кишечника по поводу рака с трехрядным швом анастомоза тонкими нитками. На этой операции были французы — военные хирурги. Они пригласили меня посетить их госпиталь.

Узнал, что Финстерер женат на еврейке и ему грозило изгнание. Это вынудило его добиваться, чтобы взяли на войну его сына. Один из сотрудников профессора — доктор Скорина сказала мне, что молодой Финстерер попал в плен под Сталинградом, что отец очень страдает и собирается просить меня как-нибудь помочь. Очень было бы хорошо, если бы мне это удалось.

Среди других операций видел у Финстерера две резекции желудка по поводу рака по методу Бильрот II в собственной модификации. Финстерер анастомоз накладывает обязательно в три ряда и отдельно шьет слизистую, чтобы не было сужения. При раке он убирает весь сальник. Производя дуоденальную инвагинацию, он проводил шов-держалку, и, обжав двенадцатиперстную кишку, накладывал кистет до перерезки кишки.

В последнее посещение клиники я присутствовал на большой операции: Финстерер делал дегастростомию и третью резекцию желудка после двух, уже сделанных другими хирургами. Оперировал он анатомично и красиво, но лично на меня эти операции в руках С. С. Юдина производили большее впечатление.

Мы очень тепло расстались и у меня осталось о нем впечатление как о прекрасном хирурге и хорошем человеке. Он подарил мне свои работы и фотографию с нежной надписью.

Вместе с доктором Скориной я посетил Беллера. Он показал нам операцию гвоздевания бедренной кости при ее переломе и продемонстрировал всю аппаратуру, включая специальную рентген-установку. Я думаю, Беллера следует считать одним из выдающихся хирургов-ортопедов Европы.

В клинике профессора Денка — специалиста по грудной хирургии я провел целый день. Ни в самих операциях, ни в хирургической технике ничего нового я здесь не увидел. Говорят, ему недавно сделали резекцию желудка, и, может быть, он еще не начал работать в полную силу.

Был у профессора Шенбауэра. Он обаятельный человек, серьезный хирург, руководит громадной хирургической клиникой, в которой представлены почти все разделы хирургии. Смотрел его операцию в бункере.

Между прочим, Беллер говорил, что Шенбауэр был на Восточном фронте в Ростове и Краснодаре. Любопытно, что о своем пребывании на фронте мне он ничего не сказал, хотя один из его ассистентов не считал нужным скрывать, что во время войны его шеф был главным хирургом одной из немецких армий на Украине.

В клиниках Вены мне бросилось в глаза, что в операционных работают и учатся преимущественно мужчины, между тем как у нас много женщин. Интересно, как это отразится на развитии нашей хирургии.

В один из вечеров я присутствовал на заседании общества венских врачей. Повел меня туда Финстерер. Открыв собрание, председательствующий профессор Шен сообщил о моем присутствии и меня приветствовали аплодисментами. После двух демонстраций больных профессор Старлигер сделал доклад об обезболивающем действии дериватов новокаина и их лечебном значении. Как известно, в таком виде это было установлено впервые А. В. Вишневым и его сотрудниками, но упоминал докладчик всех, кроме них.

Перед отъездом из Вены мы дали обед в одном из наших госпиталей. На нем присутствовали: Финстерер, Беллер, Скорина и Б. Д. Петров. Беллер выступил с теплым приветствием, затем говорил Финстерер. Он сказал, что в России им известны имена Пирогова, Павлова, С. С. Юдина, а также работы А. В. Вишневого по местной анестезии и нервной трофике. При этом он вспомнил, как из-за того, что был сторонником местной анестезии, долго не получал самостоятельной клиники. Слушая его, я подумал, что и мой отец тоже немало вытерпел, борясь за внедрение своего метода местного обезболивания.

В заключение я произнес короткую речь по-немецки и поблагодарил австрийцев за добрые слова, подумав, что доберись наши сегодняшние гости в конце войны до Москвы, вряд ли они встретили бы меня так сердечно.

Из Вены мы на машине поехали через Прагу в Берлин. Прага — большой прекрасный город; магазины бойко торгуют, все есть, но некоторые продукты выдают по карточкам. Встретили чешский отряд, шагавший по улице с музыкой, все ему махали руками и шляпами. Какая-то женщина, схватив меня за руку, восторженно закричала: «Смотрите, чехи!». Радость ее после освобождения страны от немецкой оккупации не трудно было понять.

Клиники в Праге посмотреть не удалось, так как через два часа мы двинулись дальше на Дрезден. Дорога идет через Богемию. После коротких переговоров с нашей пограничной заставой переехали границу, отделяющую Чехословакию от Германии. Возобновляю в памяти хирургов и клиники, которые мне следует посетить. Особенно меня интересует проводниковая анестезия и то, как она поставлена у немецких хирургов.

Вечером приехали в Дрезден. Вся центральная часть города разрушена после американской и английской бомбежки, причем только одной! Описать, во что превращен Дрезден, трудно. Весь он — сплошные руины. Пока удалось только расчистить дороги, тротуары и улицы.

Остановились здесь на ночевку. Утром побывали в Военной администрации. Она помещается в замке саксонских королей, откуда открывается прекрасный вид на Эльбу.

На улицах много народу, особенно молодых мужчин. Немцы воевали шесть с лишним лет. У них миллионы убитых, пленных. Откуда взялись эти молодые люди?

Очень жаль, что мы не попадем в Галле и мне не удастся увидеть Килиана — сына знаменитого хирурга. Говорят, он тоже очень способный хирург, а главное, воевал «против меня» на Волховском фронте, описывал ужасы обморожения и всякие другие трудности этого театра военных действий.

В полдень выехали в Цвикау — родину местной проводниковой анестезии. По дороге горы и снег. Цвикау — большой промышленный город. Встретил и устроил нас в гостинице майор Борисоглебский, с которым мы познакомились на Волховском фронте. Вечером были в театре, слушали «Проданную невесту». Оркестр, как всегда в Германии, превосходный, а певцы неважные и играют как-то наивно, временами даже пошловато. Позвонил профессору-хирургу Куленкампфу — завтра в девять часов едем к нему. Работает он в Генрих-Браун Кранкенхаузе. Это прекрасная больница, выстроенная самим Брауном — основоположником проводниковой анестезии, у которого Куленкампф был в свое время ассистентом.

Встретили мы профессора во дворе больницы. Он сразу же пригласил меня сделать с ним обход больных и принялся попутно рассказывать о планировке больничных зданий и о внутреннем их устройстве.

Перед операцией мы зашли с ним в его квартиру, где он с благоговением показал нам портрет Брауна и его жены. Куленкампф женат на дочери Брауна и унаследовал его клинику. Он преподнес мне свой философский труд. Потом мы пошли в операционную, где профессор удалил щитовидную железу, выжег папилломы мочевого пузыря и сделал операцию по поводу гнойного плеврита. Анестезию делал помощник. Во время операции я обратил внимание на очень уж сниженные требования к асептике — работают без шапочек. Тут же Куленкампф продемонстрировал мне металлические шприцы, которыми пользовался еще сам Браун. На обходе Куленкампф показал мне на оперированном больном свой разрез для печени — прямой с заходом на два пальца на ребра и продолжением по средней линии чуть ли не до симфиза.

Очень интересно было мне познакомиться с людьми, участвовавшими в создании метода проводниковой анестезии, — одного из видов местного обезболивания. Здесь был центр, откуда шло это направление, против которого мы много лет боролись, внедряя нашу оригинальную методику местной анестезии по способу ползучего инфильтрата. Борьба закончилась успешно для нас и, как я думаю, с пользой для наших больных.

Провожая меня, Куленкампф сказал, что он был принужден вступить в 1939 г. в нацистскую партию. Сказал он об этом с такой горечью, что я на минуту даже готов был ему посочувствовать.

Утром выехали в Берлин. По дороге остановились в госпитале Кайтмазова в Бейлицах и доехали только к середине следующего дня. Здесь в Советской Военной администрации работает профессор В. И. Пшенични-

ков — он ученик моего отца и один из старейших сотрудников его клиники. Путь наш шел по Унтерденлинден мимо зданий Университета и Рейхстага. Это огромное серое полуразрушенное здание как бы олицетворяет крушение гитлеровского рейха. Стены его почти сплошь покрыты надписями. Мне запомнилась одна: «Я дошел сюда с берегов Волги. Сержант Синев». Пожалуй, лучше не скажешь об итогах войны. Коротко, ясно и, главное, скромно.

Город разрушен, но на улицах полно народу, непонятно, где они все живут? В. И. Пшеничников я нашел в Карлхорсте. Он рассказал мне о страшных опытах, которые проделывали немецкие врачи-нацисты над военнопленными. Одни, например, исследовали у молодых женщин менструальную функцию матки в связи с испугом. Объявляли им смертный приговор и наблюдали за тем, как это отражается на менструальном цикле? Другие в Лейпцигском институте ортопедии исследовали дистрофические изменения позвонков (уплощение их тел, возникавшее у пленных в результате хронического голодания), обозначая это явление термином «рыбьи позвонки». Слушая все это, я почувствовал безотчетную неприязнь к немецким врачам, с которыми общался за эти дни. Никто из них, вероятно, не принимал участия в изуверских опытах, но ведь они жили и работали рядом с «исследователями», о которых я теперь узнал, и не могут не нести за это какую-то долю ответственности.

Еще не освободившись от этих мыслей, я был втянут в разговор с немецкой, которая убирает мою комнату. «Мы никогда не думали, что война так ужасна», — заметила она между прочим. Я не удержался и напомнил ей, что ведь войну начала Германия, с чем она с некоторым смущением согласилась. В общем немцы, по-видимому, кое-чему научились.

В Берлине я встретился с двумя крупнейшими немецкими хирургами — Зауэрбрухом и Хорбандом. Зауэрбрух — высокий, краснолицый, пожилой человек в очках. Грубый и неуклюжий, он произвел на меня поначалу неприятное впечатление. Работает он в больнице Шаритэ. У него пять операционных. Одна — в бункере. Там в этот день оперировали на нескольких столах ассистенты под общим наркозом. На одном столе делали геморрой по Уайтхеду. Потом я прослушал лекцию для студентов с разбором двоих больных: одного после гастроэнтеростомии и другого — с травмой черепа. Читает Зауэрбрух хорошо, просто.

На другой день снова отиравились в Шаритэ. При нас ассистент докладывал Зауэрбруху, что вчерашний больной, которому произведена резекция желудка, умирает. Судьба больного с геморроем, по-видимому, тоже незавидная. Операция по Уайтхеду часто дает тяжелые осложнения. На ее родине, в Англии, операция эта была запрещена, кажется, даже решением Парламента. В этот день Зауэрбрух делал экстраплевральный коллапс легкого парафиновой plombой по поводу каверны, а затем второму больному — продольное расщепление грудины в целях частичной декомпрессии по поводу неоперабельной саркомы средостения. Потом он показывал нам больных и, в частности, рубцовую уретру в процессе лечения на очень

тонком катетере. Не могла у него получиться хорошая уретра. Отец установил еще в 1905 г., что чем толще катетер, тем лучше конечный результат лечения.

Последнее наше свидание с Зауэрбрухом было не похоже на первое. Он стал гораздо любезнее. Показал мне четыре операции и среди них панцирное сердце. Подойдя к сердцу и сняв несколько твердых кусочков, он пальцем порвал левое предсердие. Началось сильное кровотечение, а сердце из-за панциря было прочно фиксировано и не могло быть выведено. Несмотря на все это, он зашил отверстие и был совершенно спокоен, даже спокойнее, чем обычно. После операций Зауэрбрух повел меня к себе в кабинет и попросил помочь, если можно, его ассистенту Гартману, который находится у нас в плену. Зауэрбрух во время операции помогал его сын — молодой врач. Он тоже побывал у нас в плену, но его выпустили, и вот сейчас они работают вместе. Зауэрбрух говорит, что в нацистскую партию он вступил, чтобы спасти своих сыновей от посылки на фронт. Вот и разбери: Финстерер послал сына добровольцем на фронт, стремясь выслужиться у нацистов, а Зауэрбрух вступил в нацистскую партию, чтобы сыновей не посылали на фронт...

Я помню, он говорил, что оперировал Гинденбурга, делал ему простатэктомию, а два года до этого бывал у него каждый день, катетеризировал его и очень с ним подружился. Гитлера он, по его словам, не любил. Утверждает, что к врачам в гитлеровской Германии отвратительно относились.

Роберт Кох Кранкенхауз — клиника Хорбанд находится в американской зоне. Встретил меня Хорбанд очень радушно, пригласил сделать с ним обход. В клинике у него четыреста мест для всевозможных хирургических заболеваний. В Германии, очевидно, дифференциация гораздо менее принята, чем у нас.

Здесь мы видели операцию по поводу несрастающегося перелома плечевой кости. Обе кости Хорбанд скусил до губчатого вещества, затем положил костную пластинку и фиксировал все это тремя проволочными кольцами. Следующему больному он делал резекцию желудка по поводу большой пенетрирующей в поджелудочную железу язвы. Интересна и оригинальна методика инвагинации культи двенадцатиперстной кишки слезы. Там же видел швейную машину Педжеса для желудка. В некоторых случаях она будет, вероятно, удобной. В этот день Хорбанд оперировал еще непроходимость. Оказался заворот сигмы. Во время операции по поводу рака прямой кишки опухоль не была найдена, по-видимому, у больного были авитаминозные кровотечения. Затем профессор делал свободную пластику кожи с ноги на лицо, убрав рубцы после ожога.

Хорбанд и весь его коллектив производят приятное впечатление. Он сообщил мне, что его университетская клиника расположена в русской зоне и он скоро перейдет работать туда. Показал нам замечательный стерилизатор, который в пять минут стерилизует перчатки, халаты, инструментарий.

Профессора Шаака мы с Пшеничниковым посетили дома: он очень тяжело переживает свое вынужденное пребывание в Германии и жаждет вернуться в Россию. Профессор Шаак — бывший заведующий кафедрой хирургии Ленинградского мединститута. Он эвакуировался из Ленинграда, чтобы не попасть к немцам, но они все же захватили его в Кисловодске и увезли в Германию.

* *
*

После десяти дней нашего пребывания в Австрии и Германии мы выехали на Родину, причем следует сказать, что поездка принесла мне чувство полного удовлетворения. Я убедился, что советская хирургия по всем основным направлениям несомненно превосходит немецкую и что все ее достижения действительно были реализованы во время войны. Мы вправе гордиться сделанным и наша задача лишь в том, чтобы не успокаиваться и двигаться дальше.

Проезжая мимо разбитых и взорванных немецких городов и деревень, я думал, что эти разрушения — не главная беда нынешней Германии. Разрушенные Гитлером человеческие души — вот что самое страшное.

Нам тоже предстоит восстанавливать разрушенное войной, но мы будем продолжать строить то, что начали еще до войны, им же предстоит строить новую Германию, во всем противоположную гитлеровской.

Содержание

Предисловие	3
От автора	4
Тысяча девятьсот сорок первый год	9
Тысяча девятьсот сорок второй год	117
Тысяча девятьсот сорок третий год	203
Тысяча девятьсот сорок четвертый год	261
Тысяча девятьсот сорок пятый год	355
Тысяча девятьсот сорок шестой год	415
Германия	417

ВИШНЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Дневник хирурга (2-е издание)

Редактор А. С. Харнас Техн. редактор Н. И. Любковская Корректор Т. Г. Засыпкина
Художественный редактор Н. И. Снякова Оформление художника Г. Л. Чижевского

Сдано в набор 6/1 1970 г. Подписано к печати 12/III 1970 г. Формат бумаги 70×90/16 26,5 печ. л.
+2,0 печ. л. вкл. (условных 33,35 л.) 27,16 уч.-изд. л. Бум. тип. № 1. Тираж 10 000 экз.
Т05703 МН-75

Издательство «Медицина». Москва, Петроверигский пер., 6/8
Заказ 880. 11-я типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете министров
СССР, Москва, Нагатинская ул., д. 1.

Цена 2 р. 39 к.